

12+

Воспоминания старого шамана

*«...Постигнув истину однажды,
позволить и другим ее познать...»*

Путь
волка

Хамархан Хамтай Александр

Хамархан Хамтай Александр Воспоминания старого шамана. Путь волка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39489392
ISBN 9785449395887*

Аннотация

История от автора, имеющего отношение к шаманизму, родовыми корнями связанного с землями традициями и культурой одного из коренных народов Сибири. События происходят в 70—80-х годах прошлого века. Книга о развитии человека, прошедшего дорогу духовного наставника и носителя веры. Она вмещает в себя любовь, потерю и разочарование, восстание из небытия, другую жизнь, в развитии и постижении нового смысла. Книга для семейного прочтения.

Содержание

Введение	7
Посвящения	9
Глава 1. Шонó	12
На волчьей облаве	12
Встреча утреннего рассвета	27
Несостоявшееся нападение	35
Мышиное братство	39
Черный обитатель неба (турлааг)	52
Смертельная схватка	60
Глава 2. Шаман Милхай	77
Обряд годового капания	77
Городские родственники	84
Степан с мальчишками. Урок механики	92
Окончание обряда	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Воспоминания старого шамана. Путь волка

Хамархан Хамтай
Александр

Иллюстратор Юлия Хрущева

© Хамархан Хамтай Александр, 2025

© Юлия Хрущева, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-4493-9588-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«...Постигнув истину однажды, позволить и другим ее познать...»

Воспоминания старого шамана. Путь волка

*Борясь за жизнь или смиряясь с обстоятельствами,
Сетуя на свою судьбу,
Мы обвиняем Мир в неблагосклонности, предвзятости,
Порой, не понимая одного —
Он есть такой, каким его себе мы представляем.*

(Представления о Мире)

Введение

Дорогой читатель! Книга, которую вы держите в руках, окунет вас в незабываемое приключение с простым и емким названием – жизнь. Все, что в ней происходит, – поистине интересно, увлекательно и стоит написания многих романов. Не пожалейте времени для прочтения моих скромных трудов. Я верю, что каждый час и каждая минута, проведенная за книгой, вернется сторицей хорошего настроения и порцией поучительных моментов. Возможно, в ней вы откроете кое-что новое для себя. Возможно, то, что я писал, вы уже знали раньше. Для одних из вас она станет откровением, а для других – источником тепла и света. Так или иначе, она будет полезна для семейного прочтения и интересна как для вас, так и для ваших детей.

Вперед, мой друг, не смею вас задерживать, смелее приступайте к чтению книги!

С уважением, Автор

Главный герой – Шаман Милхай – явился собирательным образом, вместившим много поколений хороших людей и их характеров, сохраняющих традиции, культуру и язык своего народа. Все, о чем здесь сказано, – имена, герои и со-

бытия настоящей книги являются художественным вымыслом, а любые совпадения носят случайный характер.

Посвящения

Великому и многочисленному народу, я посвящаю эту книгу. Буряты – коренной народ Сибири. Он расселился от Енисея до Селенги и дальше на восток. Издревле шаманизм был основной религией у бурят. Она – самая близкая к Богу и к нашей Природе. Еще задолго до появления науки и медицины, шаман был духовным наставником и целителем в этих краях. Он был тесно связан со своей местностью и со своим Родом.

По сути своей, буряты близки к природному естеству – они сохраняют родовые связи, и с почитанием относятся к старикам. Из поколения в поколение они передают народный фольклор и эпос. В далекой древности буряты жили охотой и рыбалкой, в меньшей степени развивалось собирательство. Современные наши земляки, те, кто покинул дом, разъехались по всей стране. Кто-то и вовсе покинул пределы нашей великой Родины.

Все это – наши люди, сохраняющие в душе кусочек Рода, своей культуры и самобытности. Раз в год многие из них прилетают в родовую деревню, чтобы поклониться предкам и земле. Так высоко наш народ чтит свою веру, сохраняет корни и родной язык. Он передает традиции из поколения в поколение: от старых – молодым.

Родовым шаманам всего большого Рода, жившим когда-то на нашей Сибирской Земле. Своей жизнью они были свидетелями многих перемен. С ними вместе ушла целая эпоха людей, тех, кто создавал и защищал свою Родину.

Шаман никогда не давал готовых решений, стимулируя других к собственному развитию. Он говорил о нераскрытых способностях, о том, что нужно работать над собой, раскрывать таланты и правильно воспитывать подрастающую молодежь.

«Ты наш, оба твоих рода имели эхэ шаманов. Разберись в душе, зачем тебе дана такая Сила. Для чего тебя оставили на этом свете. Приходит время, когда необходимо брать ответственность не только за себя, но и за других. Родовые духи давно наблюдают сверху. Используй все лучшее, что есть в тебе, что при рождении дано самой Природой. Есть в жизни вещи, которые за тебя не сделает никто и нигде, ни на земле, ни на этом белом свете. Расскажи другим, пускай они узнают о наших землях, наших людях и культуре. Передай им суть и знания – те, которые из поколения в поколение передавали люди».

«Спасибо тебе, Родовой Шаман» за то, что укрепил мою веру и воспитал мой дух. Я буду помнить твои наставления и передам другим все эти знания».

Родовым Предкам. Людям, проходившим свой путь еще задолго до наших дней. Всей жизнью, славными делами

они вносили вклад в Великую Историю. Оставили свой след на нашей земле и добрую память для молодых потомков...

Глава 1. Шонó

На волчьей облаве

Однажды, в далеком прошлом, когда была большая волчья облава, ее родители куда-то вдруг исчезли. Она слышала лай собак и сильный грохот, выстрелы охотников и предсмертное рычание волка. Потом, внезапно, все окончилось и стало тихо. Время потянулось. В лесной глуши, слышался морозный хруст и звук приближающихся шагов. С каждым мгновеньем они становились все громче и громче. Со всем рядом, маленькая волчица услышала разговор людей. Это были два охотника, которые подъехали, сняли широкие деревянные лыжи, подошли и начали осматривать логово. Охотник, что помоложе, поднял двуствольное ружье, взвел курки и с осторожностью направил внутрь. Убедившись в отсутствии опасности, охотник убрал ружье и запустил рукой. Он долго шарился впотьмах, пока не нащупал маленький пушистый комок. Человек ухватил его и потащил наружу. Это был щенок. Он извивался весь, пытался вырваться и норовил схватить зубами. Охотник поднес его поближе и осмотрел внимательно. Покрутил со всех сторон, и обратился к старшему:

– Батя, да это же волчица, – девочка. Пропадет в лесу, од-

на без матери. Зачем мучиться животине, пристрелить бы её, и дело с концом, – еще раз посмотрел на маленького рычащего зверя.

– Не торопись, Степа, не на то у тебя голова на плечах, чтобы палить направо и налево. Дай-ка гляну на эту щенушку, – он сердобольно взял волчицу и внимательно осмотрел. Та перестала рычать и успокоилась в его теплых жилистых руках. И даже показалось, как будто улыбнулась старику. Окрас у хищницы был светло-серый, а мордочка, грудь, кончики лап и хвоста – белые. Легко можно спутать со щенком северной лайки, словно и не волчий был детеныш.

«Видать приглянулась отцу, раз стрелять мне не позволил!» – подумалось Степану. А тот снял шубенки и положил заботливо щенушку в шапку, чтобы по дороге не замерзла. Затолкал ее в мешок. Вместо своей ушанки надел легкую вязаную шапочку, поднял со снега рукавицы и закинул мешок за плечи. Они еще раз осмотрелись и решили возвращаться – путь назад не близкий, – надо засветло доехать.

Охотовед, устроивший облаву, был на снегоходе, он быстро добрался до своей заимки. У Милхая со Степаном не было такой техники, поэтому они добирались до деревни медленно, – на деревянных лыжах. Как остальные возвращались, они не знали. Волчица пригрелась в шапке за плечами у Милхая и почти не издавала никаких звуков.

– Батя, ты щенка проверь, мало ли, чтоб не задохнулся, – посоветовал Степан.

– Хорошо, сейчас, – Милхай остановился, снял мешок и раскрутил веревку. Хищница дремала. Она, почуяв свежий воздух, потянула вверх свою маленькую мордочку. Ловила носом незнакомые запахи, смешно шевелила усами, оставив при этом закрытыми глаза. Милхай со Степаном заулыбались.

– Ну, вот и Коле твоему радость! Играть с ней будет, кормить, поить. А когда она подрастет, может, куда и отдадим: в питомник, или в зоопарк.

«Шоно» – нарек ее Милхай, что в переводе означало «Волк».

Они запаковали мешок и продолжили свой путь. Уже вечерело, нужно было поторапливаться пока хоть что-то видно. Степан шел впереди и все время оглядывался, контролировал, чтобы отец не отставал. Смеркалось. На зимнем морозном небе выкатилась полная луна.

– Видишь, Степа, сама природа нам с тобой помогает, – Милхай плавно подкатился к сыну, когда тот остановился отдохнуть. – Вон как подсвечивает, только не ленись, ноги переставляй!

– Ну, с таким-то светильником и ночью не заблудишься! – подхватил разговор Степан. – Батя, как щенок? – спросил в очередной раз.

– Да как, как... – нормально! Дремлет, чего тревожить? Даст Бог, живым доведем. Ну, а коли нет, тогда и не судьба, –

сделал заключение Милхай и покатился дальше. Он не стал развязывать мешок. Поздно уже. Хотя и провели облаву, однако зима в тайге, да еще ночью, – не самое лучшее место. Можно заблудиться, или на хищников нарваться. Обратную дорогу они преодолели хорошо и безо всяких приключений.

Дома их ждали с нетерпением. Пятница, конец рабочей недели, все родные собрались. Янжима – жена Милхая, Оюна – любимая невестка, и внуки: маленький Коля и его старшая сестра Катя. Женщины приготовили ужин. На стол поставили тарелку с горячей вареной бараниной, очищенную от «мундиров» картошку, соленые огурцы с помидорами, салат из моркови с капустой, домашнюю сметану и горячий чай с молоком. Янжима напекла пирожков с луком и с яйцом – так, как любили её дед и внуки. Отдельно, в глубокие тарелки, налили наваристый бухлёр. Спиртное у Милхая не водилось, разве что тарасун (слабоалкогольный кисломолочный напиток), да и тот доставали только по большому поводу. Хотя Милхай и проводил обряды с водкой, на семейном столе она почти не появлялась. И это было нормой для Шамана.

«Порадоваться, повеселиться можно и без алкоголя! – говорил Милхай. – Кто трезвым не умеет делать, тому и водка не поможет. Человек, когда он пьяный, не контролирует себя и поступки свои с мыслями».

Жена Милхая, миловидная бурятка, в молодости пела очень хорошо. Когда она родилась, родители ей дали имя Янжима, что в переводе означало «Владычица Мелодии». У нее

был красивый хорошо поставленный голос. Не однажды, она участвовала в районных смотрах и концертах. Там-то и при-смотрел ее молодой Милхай.

Янжима помогла мужу снять тулуп и стянуть тяжелые валенки. Одежду повесила в прихожей, а обувь поставила сушиться возле печи. Рядом со своей бабушкой бегал внучек Коля. Ему все было интересно: «что же деда там принес – может, гостинец какой из леса или зверушку». Он развязал мешок и начал доставать оттуда содержимое. На удивление Коли, внутри лежало что-то теплое. Он ухватил из недр дедову ушанку и стал вытаскивать наружу.

– Не торопись, Колюня, – осторожно доставай. У внука дух перехватило! Сердце заколотилось радостно, словно в ожидании чуда. Мальчуган раскрыл ушанку и увидел там щенка. Коля достал его и на пол положил. Волчица, маленькая, «едва стояла на ногах», её «штормило и качало». Она пыталась сделать первые шаги и тут же падала.

– Деда, деда смотри, а она шатается! Устала, наверное, пока ты ее нес, – прокричал довольный Коля. – Какая маленькая! Урааа... а! У меня теперь собака! – Коля прыгал и скакал от радости. – А как мы ее назовем?

– А назовем ее Шоно! – ответил Милхай.

– И мне тоже нравится, – сказала Янжима. – Только куда мы ее денем, когда она вырастет. Это же волк, я правильно поняла?

– Как, так? – удивился Коля. – Баба, а ты откуда знаешь?

– Так Шоно, внучек, по-бурятски означает волк, – улыбнулась Янжима.

– Ну, во-первых, не волк, а волчица! – заметил Милхай. – Во-вторых, когда она вырастет, мы ее в город отдадим, в зоопарк.

– Деда, а у Шоно есть мама с папой? – не унимался внук.

– Нет у нее никого, – на охоте всех застрелили, – не выжила б она в одиночку.

– Деда, а как другие волчата?

– Не было других, одна только Шоно. Но я думаю, знак мне послали, поэтому и не стал стрелять. – Милхай подошел ближе, что-то явно затевая.

– Степа, сходи-ка в сенки, ведро мне принеси, там, висит за шкафом.

Степан накинул тулуп на плечи и голоухий выскочил на мороз. В раскрытую дверь потянуло холодом. Клубы белого пара завихрились над порогом. Не прошло и минуты, как Степан заносил эмалированную желтую посудину. Милхай перевернул ее, и сверху положил щенка. Домашние внимательно следили за волчицей.

Шоно притихла. Она поглядывала то на Степана, то на Колю. Потом спрятала мордашку, и глаза закрыла. Так на ведре холодном лежал комочек, светлый и пушистый. Черными лишь были пятна на спине и нос, которым Шоно уткнулась себе в лапы. Постепенно она освоилась, пошевелилась и поползла вперед. У края круглого скользнула её лапа. Шоно

скребнула по эмали и чудом удержалась, когтями зацепилась за железный невысокий бурт. Чуть отодвинулась, пошарила перед собой. Потом затихла. Немного полежала и поползла обратно, – уже хвостом назад. С другого краю провалился хвост. Она остановилась, спустила лапу заднюю, и чуть не полетела вниз. Скребнула снова по эмали, и снова чудом удержалась. Волчица отползла на середину и опять затихла. Зверек рассматривал людей, не понимая для себя, чего еще они придумали.

Домашние, следили заворуженно все это время. Первым нарушил тишину Шаман. Он за загривок взял щенка и положил его на пол.

– Вот и прошла проверочку мою! – промолвил он.

– Деда, а что ты проверял? – спросил Коля. – Я такого не видел никогда.

– Да есть одна, старая охотничья: когда собака оценится, так выбирают лучших из помета. На бочку садят их и наблюдают.

– А что потом? – Коля перебил вопросом.

– Потом щенки по бочке расползаются и падают. А тех, кто остался, забирают как смышленных.

– Значит, Шоно прошла проверку! – с радостью запрыгал внук.

– Значится, прошла! – улыбнулся Милхай. – А сейчас, Колюня, сбегай-ка на кухню, молока принеси. Видишь, голодная она. И блюдце не забудь.

Внука не нужно было уговаривать. Он убежал на кухню, и принес оттуда банку с молоком.

– Блюдце! – напомнил Милхай.

– Ай! – хлопнул по лбу себя Коля и снова убежал. Когда он всё принес, Милхай наполнил блюдце. Смочил свой палец в молоке и сунул в маленькую пасть. Волчица, почуяв молоко, взялась его облизывать и даже попыталась укусить. Дед отодвинул руку и слегка макнул щенушку. Волчица поперхнулась и выпустила пузыри. Потом она отдернулась и заморгала маленькими глазками. Жидкость белая стекала каплями на грудь. Шоно чихала и отфыркивалась, глаза при этом закрывала. Волчица потеряла равновесие и неуклюже повалилась на пол.

Взрослые и дети – все в комнате собрались. Они смотрели с умилением на Шоно́. Волчица успокоилась немного. Потом она поближе подползла, и начала лакать из блюдца, маленьким своим шершавым языком. Коля находился рядом, стоял на четвереньках, и едва не носом смотрел на миску с Шоно. Он будто гладкокожий зверь рассматривал её.

– Ладно, отойдите чуть, дайте хоть поесть ребенку! – сказал другим Милхай. – Эка невидаль, уставились на чудище какое!

А «невидаль» была в новинку для людей. От нее тянуло диким лесом: и вроде бы собака – но не собака, и щенок вроде бы, – но не щенок.

Два непримиримых Духа: Дух леса дикого и человека Дух, в обычной жизни не встречались, – сегодня малыши детьми сидели и смотрели друг на друга.

Шоно «наелась» молока и на мгновение притихла. Как маленький котенок сжала свои лапы, а мордочку вытянула вверх. Она смешно усами шевелила, ловила незнакомые ей запахи. Своими маленькими, пока не зоркими глазами, волчица вглядывалась в зверя: большого гладкокожего, и с плоской мордой, с двумя руками и двумя ногами. Она не понимала: друг перед ней, которому можно доверять, или же враг, которого нужно опасаться.

Природа любит развязать интригу: «Что у них из этого получится? Уживутся вместе, будут ладить, или, в волчице хищница проснется, – что тогда произойдет?»

Сущее на мир смотрело: то глазами маленького Коли, постигающего жизнь, то глазами маленького зверя, потерявшего родителей и кров. Оно вносило изменения: людей испытывало добротой и состраданием.

Время пролетало незаметно. Коля растил волчицу, терпеливо и заботливо: гулял с ней во дворе, кормил, поил. Сперва коровье молоко давал. Потом стал добавлять продукты с общего стола. Волчица подрастала. Под Колиным приглядом из пушистого и неуклюжего щенка, она преобрази-

лась в шустрюю, веселую, и походящую на маленькую лайку. Уши – такие же – торчком; грудь белая, белые кончики лап и хвост. Основной окрас остался светло-серым. Черты характера, как и у всех детей: – желание поиграть немного и напроказничать, засунуть любопытный нос куда ему не следует. Инстинкт и гены хищника пока дремали в Шоно.

Со временем, для практики своей охоты, волчица выбрала пернатых. Охотиться пыталась на воробьев и на синичек. Под лапы не смотрела, когда гонялась по двору. В погоне с маху налетала на какую-то преграду. Бывало, билась головой о ведра и лопаты, метелки разлетались от волка маленького в стороны. Так если падал, где-то, садовый инструмент, домашние с улыбкой понимали: – то, ничего серьезного не происходит. – Это их Шоно «тренирует голову на прочность».

Волчица увлекалась сильно: играла с Колей, и сама «гоняла по двору». Хотя как хищник настоящий, еще не обрела ни ловкости, ни силы и ни злости. Всё это к Шоно приходило с долгим опытом.

Однажды, такая вот, случайная охота, на удивление домашних удалась. В игре, Шоно схватила лапами большого голубя. Как получилось у неё – доподлинно не ясно, – одно понятно: случай, этот, стал для нее закономерностью.

Большая птица гордо по двору расхаживала. Она большую «свиту» увлекала за собой. В «придворных» были мелкие синицы с воробьями, а в предводителях у них, большой и наг-

лый голубь. Он игнорировал опасность исходящую от Шоно, ходил и красовался рядом перед ними. Клевал с земли рассыпанные зерна, осматривал хозяйские постройки, нахохлив горделиво свою грудь. Когда он мимо будки проходил со свитой, то без опаски запустил свой клюв в кормушку. Воробьишки и синички, не отставали от него. Они питались тем, что оставалось после голубя.

Однако же, какая наглость, клевать из волчьей миски! – Никто такого не потерпит, – будь это даже маленький неопытный волчонок. Большая птица выходкой нарушила законы.

«Одно – в селении пакостить, совсем другое – нарушать законы леса. В лесу не очень то и забалуешь. Там шутки не оценят и артистизма тоже не поймут. Не станут долго объясняться – но просто загрызут».

Видать, для деревенских птиц не писаны законы. Придется маленькому зверю порядок силой наводить. Так хищник, от рождения дикий, он больше понимает в жизни, чем деревенские зазнайки, летающие по дворам.

Волчица выждала момент зко прыгнула. Всем телом придавила птицу, и попыталась ухватить зубами. Однако голубь не сдавался. Он крыльями махал, освободиться пробовал, и целил клювом в глаз. Шоно рычала, от крыльев уворачивалась и от клюва, при этом норовила за голову схватить. Такого нападения не ожидал никто.

Напуганные воробьи с синицами взлетели вверх, немного

покружили возле дома, потом вернулись на прежние места. Они поменьше и проворней голубя, поэтому могли и не бояться приближения людей или животных.

Сюда же, на забор, слетелись деревенские сороки. Махая длинными хвостами, сороки спорили между собой. Они ругались, стрекотали на понятном птичьем языке. Потом, вдруг, разделились по команде: – одни остались наблюдать, – другие полетели дальше. Так незатейливо и просто носились с ними новости и слухи.

Большого голубя, пернатые, не очень-то любили. Он сильно задавался и никого не признавал. У птиц, в их птичьей иерархии, он находился между дятлом и сойками лесными. Хотя, за нагловатый вид и важность, его пока еще терпели.

День перешагнул свою вторую половину, и солнце не замедлилось, но покатило дальше. Сороки разнесли в деревне о голубе и Шоно. Деревня сразу оживилась: со всей округи начали слетаться птицы. Так, в Колином дворе собрался целый птичий хор. Там, на краю навеса, на крышах гаража и стайки, – везде теперь сидели птицы. В многоголосье целом, одни чирикали, другие ворковали, а третьи в кучке щебетали, и каркали и стрекотали. Там были птицы разного окраса, размера разного и формы. Облеплены калитка и ворота, облеплен весь большой забор. Преобразилась крыша дома, она заполнилась со стороны двора: от низа самого, до верха. На разных уровнях, как на ступенях, сидели вороны и громко возмущались.

Событие такое не часто происходит, оно – достойное внимания «важных», дорогих персон. Так, вместе с птицами, в ограде, Духи собрались. Они пока не проявлялись, хотя присутствовали, точно, на поединке этом знатном – большого голубя и волка.

Ворон, старый, замахал своими крыльями, невольно привлекая все внимание к себе. Он прыгнул с крыши, пролетел и плавно приземлился, не далеко от дома, – на самое крыльцо. Потоки воздуха подняли пыль и перья. Ворон наблюдал за поединком, потом он стал расхаживать вперед и назад. Как дирижер, – руководить пернатым хором. Так много птиц у Коли раньше не бывало.

В углу, не далеко от будки послышалось рычанье зверя. Волчица все ещё не знала, что нужно делать со своей добычей. То для неё была игра. Голубь в ее лапах трепыхался, – Шоно рычала на него, пыталась посильнее напугать. Хотя со стороны казалось, ее мордашка больше умиляет, нежели вселяет страх.

Недалеко от дома Коли пролетела стая ласточек. Круг описала над соседними дворами, и на втором заходе приземлилась. Как будто шарики гирлянды, уселись ласточки на провода и столб.

«Послышались овации из зала, – все зрители уже на месте. Подняли занавес, – звонок, – второй и третий..., оркестр заиграл, – можно начинать!»

*Природа преподносит нам уроки,
Загадывает ребус и кроссворд.
Один из пазла соберет живые строки,
Другой – в неразрешимую задачу попадет.*

(Природные уроки)

Чем жизнь людская отличается от той, звериной? Все те же правила и те же ситуации: поклонники и критики, сторонники и ярые противники. Одни желают для тебя победы, другие, готовы взглядом сжечь и молнией сразить. Третьи, за это шоу уплатили деньги, теперь за «кровные свои» – обязаны эмоций больше получить».

Возня в ограде продолжалась и привлекала все внимание. Голубь дергался ещё, махал потрепанными крыльями. Шоно рычала, и поглядывала злобно, и отгоняла падальщиков от своей добычи. Жизнь теплилась в пернатом теле, но Дух и воля покидали птицу. А зал ревел восторженными головами. Иные каркали, чирикали, другие стрекотали громко. И только старший, до сих пор, не издавал ни звука. Он молча наблюдал со стороны. Внизу у будки разыгралась драма, где на кону стояли птичья жизнь и эго молодой волчицы. А публика готовилась к развязке: непредсказуемость добавляла остроты. Но время таяло неумолимо. Тут Ворон каркнул: «Карррр!» И неожиданно все стихло: все птицы замерли вокруг.

Дверь на веранду отворилась, и появился Коля. Он появлением своим расстроил чьи-то планы. Хотя чужие планы

Колю не касались! Он был в том самом возрасте, когда весь мир вращался рядом. Ворон, избегая столкновения, тут же отлетел. Он увлекал большую стаю за собой. Двор разразился хлопанием десятков крыльев: пух, перья и частицы закружились во дворе. Однако птицы улетели, далеко не все. На месте оставались самые отважные, чье любопытство взяло верх над страхом...

– Фу, Шоно! Фу, нельзя! – окрикнул мальчуган. – Нельзя так птичек трогать, они нам не враги!

Шоно отпрянула, а голубь, почувствовал слабину. Он дернулся со всей последней силы и, наконец-то, вырвался из волчьих лап. Птица разбежалась резко и полетела. Каким-то чудом прыгнула на будку, потом забралась выше, по забору; потом на стайку поднялась. Уже оттуда, раскрыв потрепанные крылья, она упала с облегчением вниз. Поток воздуха, прогретого на солнце, схватили голубя и унесли с собой.

День тот запомнился для птицы! Волчица тоже получила опыт: она продолжила свою охоту и тренировку в Колином дворе.

Встреча утреннего рассвета

– Коля, ты рассвет когда-нибудь встречал? – спросил у внука Милхай.

– Нет, деда. Когда я просыпаюсь, – на улице уже светло.

– Ты маму попроси, чтобы пораньше разбудила: часов так в пять утра, и сразу прибегай ко мне. Пойдем на дальнюю поляну, рассвет с тобой встречать.

– Хорошо, деда, я сразу прибегу к тебе! – улыбнулся Коля. Он уже сторал от нетерпения и ожидания завтрашнего дня.

Я думаю, мы там не долго будем, а как вернемся, так бабушка нам пирожков сготовит и ватрушек.

– И пирожков вам напеку, и пряников. Только вы пораньше возвращайтесь, – подтвердила Янжима. – Я Коле список напишу и деньги дам, – продуктов в магазине закупить.

– Хорошо, бабуля, мы с дедом сходим на поляну, а потом я побегу до магазина!

День быстро пролетел за их домашними заботами. И вечер «неожиданно подкрался». Степан с Оюной и детьми собрался и пошел домой. Милхай их проводил, закрыл ворота. Собаку как обычно покормил.

Рано утром прозвенел будильник. Оюна встала, завтрак приготовила. Подняла не выспавшегося сына, напоила его чаем, одела и отправила к Милхаю. На улице еще темнело, когда Коля с дедом вышли за калитку. Янжима заботилась

о них: положила им продукты, бутылку молока и легкий теплый плед.

Милхай осторожно наступал. Он изредка поглядывал себе под ноги. Коля шел чуть позади, – за дедова спиной. Сзади было легче, – не то, что впереди. Монотонная ходьба убаюкивала Колю. Он начинал зевать и замедляться. Терял из виду деда и сразу отставал. Потом он «просыпался» и спешно догонял Милхая. Узкая тропинка, по которой они шли, меняла направление: она то проходила прямо, то поворачивала в сторону. Иногда они спускались, и шли в большом овраге. «Хлюпали» ботинками по травянистому сырому дну. Как поднимались вверх, так грунт менялся под ногами: из мокрого и вязкого он становился твердым и сухим. Путники шли осторожно, так чтобы не запнуться в темноте.

Милхай всю жизнь прожил в этих местах. Летом он ходил пешком в соседние деревни, а зимой катился на широких деревянных лыжах. В молодости, охотился он часто: в загоне, и на номерах, с ружьем участвовал в облавах. Помнил хорошо и тропы и дороги. Охотники ценили Милхая, за его везение, за знание лесных законов и порядков. Когда Милхая приглашали, тогда и дичь была, и сами охотники живыми возвращались.

В своих местах Шаман шел четко и уверенно, по старой своей памяти. Развилки и завалы проходил, на поворотах не терялся. В следах он разбирался хорошо, повадки зверя понимал. Если доводилось появляться, в местах мало зна-

комых, Милхай сперва старейшин находил, общался с ними и что-то узнавал. После общения, шел ногами по земле. Так он «роднился» с местностью, с ее природой и Душой.

Сегодня, как и раньше, они шагали с Колей. Влажность и прохлада заставляли их поёжиться. Колю потряхивало – то ли от холода, то ли от боязни чего-то неизвестного. Он уже не отставал от деда.

Неожиданно, раздался громкий хлопающий звук. Внук присел от страха и сразу голову втянул. Милхай развернулся и тут же присмотрелся:

– Не бойсь, Колюня, это просто птица!

Дремавшая сова, напуганная ходаками, сорвалась с макушки и полетела вглубь. А впереди далёко, между крупными ветвями, забрезжил слабый, еле различимый свет. Каждое лето Коля с мамой и сестрой ходили здесь по ягоды, а ближе к осени и по грибы.

Наконец-то внук и дед добрались до опушки. Милхай нашел поваленное дерево, расшнуровал котомку, достал оттуда плед и расстелил. Поставил на него бутылку молока, булочки положил и пирожки с капустой. Любила бабушка внучка и баловала свежей выпечкой.

– Ну, вот, мы и пришли, – Милхай уселся с края, а внука посадил с другого. – Теперь давай, свой завтрак наворачивай, да внимательно смотри, – он разлил по кружкам молоко: одну Коле протянул, а вторую взял себе.

На лесной опушке, в предрассветной тишине, сидели дед

и внук и поглощали вкусные припасы. Лес спал еще: ни звука не слышать, ни дуновения ветра. Только воздух, плотный и насыщенный и темные деревья ветви опустили. Стебли, листья и трава покрылись утренней росой. Первые лучи забрезжили на горизонте. Солнце пробивалось сквозь темень и туман.

– Смотри, Колюня, видишь, как природа оживает! – Милхай всегда дивился силе, той, что заставляет расти и зеленеть растения, листья и бутоны раскрывать.

Наконец проснулись птицы: запели, защебетали, зачирикали. Они радовались дню и новому рассвету. Милхай любил встречать рассвет. Он с детства приходил сюда, на эту ясную поляну. И каждый раз как зачарованный смотрел. В эти предрассветные минуты, Природа щедро и заботливо делилась, дарила теплоту своим любимым малым детям!

– Как же хорошо вокруг! – Милхай окинул взглядом поляну и опушку леса. – Молодцы мы, что пришли сюда, и встать не поленились! «Фотографируй», Коля, отмечай хорошие моменты. Запоминай все эти чувства!

– Деда, а зачем так делать? – удивился внук.

– Для настроения хорошего, для воспоминания. Осенью, когда похолодает, когда дождик за окном, достань из головы воспоминания. Вспомни запахи цветов, как тихо и прохладно пред рассветом. Как птицы просыпаются, и начинают петь. Еще ты краски вспомни, которыми лес «красится», когда солнышко встает. Тогда и настроение лучше, и жизнь

от этого наладится!.

– А зимой так можно делать?

– Конечно, можно! В любое время года. – Милхай смотрел на лес и как ребенок улыбался. – Видишь какое чудо Природа создала! Дед разлил остатки молока по кружкам, разломил последний пирожок, одну часть отдал Коле, а вторую сунул в рот, запил ее, неспешно прожевал.

– Деда, а как фотографировать? Как мне это запомнить?

– Запоминать не надо ничего. Ты все равно не сможешь повторить! Просто душой почувствуй то, что природа создала.

– А научи меня! – понравилась идея внуку.

– Ну вот, смотри: на мелочи не обращай внимания, Лови большие кадры, и подкрепляй их настроением.

– Деда, а как это? – Коля попытался сделать.

– Смотри внимательно! Вон, видишь ту березу, стоит по середине, между двумя деревьями? Трава под ней, цветочки, белые и желтые...

Коля смотрел по сторонам, но ничего не мог найти.

– Да вон же, – ты смотришь не туда!

– А-а-а, теперь увидел, – наконец-то Коля разглядел.

– Попробуй каждую деталь запомнить. Но не торопись, внимательно смотри.

– Ага, я постараюсь, – ответил внук.

– Теперь закрой глаза и повтори чего запомнил... Ну как..., получается?

– Нет, ничего не получается, – ответил Коля раздосадованно.

– Понятно дело, так оно и есть. Сейчас скажу, как надо сделать. Ты быстро глянь, и целиком картинку выхвати. Ну..., закрывай глаза! ... А теперь рассказывай.

– Интересно, деда! Когда я медленно смотрел, то ничего не мог запомнить. А когда быстро глянул и закрыл глаза, то сразу по-другому стало!

– И чего ты там увидел?

– Я видел, деда, как будто «фотка» проявлялась: сначала она мутная была, а потом не мутная.

– Четкая, ты так хотел сказать, – поправил его Милхай.

– Ну да, – почесал затылок Коля.

– Вот, а теперь, когда ты понял, – начинай тренироваться.

Внук пробовал «фотографировать». Он словно брал фотоаппарат и «щелкал» у себя затвором. Потом он закрывал глаза, и всё рассказывал, что видел.

– Деда, а можно музыку мне вспоминать, когда «фотографирую» глазами?

– Конечно, можно! Чем больше вложишь своих чувств, тем на дольше и запомнится!

Солнце стало понемногу припекать. Милхай поднялся и передвинул плед в тенёк. Он сложил в котомку вещи и заново уселся.

– Хорошо, Колюня, разговаривать! День бы просидел, проговорил. Да дела наши сами не делаются. А про магазин

ты не забыл? Бабушка тебя просила...

– Деда, а ты еще что-нибудь мне расскажи.

– Пойдем уже, по ходу расскажу...

Они поднялись, плед стряхнули, и пошли домой. Обратная тропинка, освещенная, показалась им короче темной, утренней.

Когда они вернулись, Катя помогала по кухне, а Степан, во дворе, готовил садовый инструмент. Коля взял авоську и деньги и вприпрыжку побежал в магазин за продуктами. Как прискакал, поднялся сразу на крыльцо и дернул за ручку. Но дверь почему-то не открылась. Коля постучал сильнее, – однако снова никто не ответил. Тогда он пнул, с досады, своей ногой. Внутри наконец-то откликнулись. Щелкнул засов, и массивная, оббитая железом дверь заскрипела. Из-за двери выглянула тетя Клава.

– Привет, Коля, ты чего тут барабанишь? Видишь, не работает магазин: учет у нас сегодня.

– Тетя Клава, мне бабушка продуктов заказала. – Коля протянул ей список.

– Давай сюда, посмотрю, – Клавдия взяла бумажку, исписанную простым карандашом. – Ладно, подожди здесь, а я все соберу и вынесу тебе. Деньги тоже давай, и сетку.

Коля протянул авоську и бумажную купюру. Клавдия за-

брала и исчезла за дверь. Потянулись долгие минуты ожидания. Пока шло время, Коля стал разглядывать доску объявлений. Там висели разные листочки – одни написанные от руки, другие напечатанные на машинке:

Сегодня в 18:00 состоится собрание...

Продам картошку с овощами, недорого...

Куплю бараньи шкуры...

Цыплята от несушки, яйца...

Продам мебель новую и мотоцикл на ходу...

Коля так увлекся этим занятием, что не услышал, как закрипела дверь и появилась тетя Клава. Она вынесла Коле авоську с продуктами и отдала вместе со сдачей.

– На вот, возьми! – протянула желтый леденец. – Да бабушке привет передавай.

– Спасибо вам, тетя Клава, большое! – просиял Коля и расплылся в детской непосредственной улыбке.

Оюна, Колина мама, баловала ребятишек и покупала им по выходным сладости. Коля взял сумку, положил сдачу в нагрудный карман и застегнул его на пуговицу. Сахарные леденцы были любимым лакомством у детворы. Далекий и знакомый вкус: сладкий с приятной кислинкой.

Несостоявшееся нападение

Настроение у Коли поднялось: и солнце по-другому засияло, и день как будто бы удался! Он шел неторопливо домой с бабушкиными продуктами. В голову приходили всякие приятные мысли. Коля давно собирался на рыбалку со своим лучшим другом. Его папа приобрел недавно новый спиннинг. Они думали все вместе пойти на речку порыбачить, заодно и обнову испытать. Удилище у спиннинга из легкого бамбука, крепкое и прочное, никогда не поломается. Рыбачить им удобно, и в руках приятно держать. Димка, его друг, говорил, что спиннинг можно хоть целый день закидывать – руки нисколько не устанут.

– Не растет у нас бамбук. Это только за морем, далеко, в жарких странах, – важно раздувал щеки Дима и краснел от собственной значимости. – Знаешь, какие рыбы на такой ловятся? О-го-го, самые большие: может, с килограмм, а может, с десять!

– Ну ты и насмешил! Ты скажи, что еще кит на этот спиннинг ловится или акула, – обезьянничал Коля.

– Ну, кит не кит, акула не акула, а щуку можно поймать большую или карася, даже тайменя можно! – Дима был доволен собой и своими «глубокими познаниями» в рыбалке.

– Да врешь ты все! – обычно отвечал Коля и обесценивал всю Димину значимость.

Еще когда у Димы было благодушное настроение, он показал Коле новую блесну. Она крупная, особенная – сама тяжелая, как грузило, с серебристой пластинкой сбоку. На конце большой крючок, как якорь: на три стороны «смотрит», с любого места рыбу может зацепить. У Колиного деда в кладовке на веранде хранились рыбацкие снасти. Крючки и мормышки в круглой жестяной баночке, намотанные на деревянные палочки лески с поплавками, закидушки, грузила и пара длинных удилиц. Старая корчага для ловли на порогах висела на ржавом длинном штыре. И спиннинг у деда тоже был. Но только из обычного дерева, из тяжелого. Такой долго не удержишь, руки быстро устанут.

Любил Коля ходить на рыбалку с дедом и со своим отцом. Он тут же вспомнил одну примету: чтобы рыба лучше клевала, нужно червя на крючок насадить, поплевать на него три раза и только после этого закидывать. Ребята деревенские верили в приметы и старались их выполнять. Увлеченный своими мыслями, Коля возвращался к дому бабушки и деда. Вытаскивал изо рта леденец и громко, во весь голос, напевал любимую песню. Он погрузился в детские мечтания, позабыв про работу, которая ему предстояла. Впереди приключение на речке и рыбалка с Димкой и с его папой.

Не сразу Коля заметил большого пса. Старый, наученный дворовой жизнью большой зверь издали увидел мальчугана, почуял запах пищи и преградил ему дорогу. Пес грозно оскалился и залаял. Коля выплюнул остатки леденца, и вме-

сте с ним растаяли последние иллюзии. Он схватил палку с дороги и, хотя немного испугался, но все равно пошел навстречу. Пес был огромный и далеко не глупый. Он и раньше видел Колю, знал его способности. Наблюдал однажды сам, как здоровая собака уносила ноги от этого маленького мальчика.

Теперь они смотрели друг на друга. Пес злобно облизывался и обнажал клыки. Для зверя было бы идеальным, чтоб жертва испугалась, оставила продукты и бросилась бежать. Но мальчуган не убегал. Он сдвинул брови, палкой замахнулся и излился на собаку «трехэтажным» матом! Пошел навстречу в предвкушении борьбы. Сердце у Коли kloкoтaлo, мышцы налились кровью и жилы натянулись. Он, словно хищник, приготовился к прыжку.

Пес дрогнул от окрика и взгляда Коли, но после ошетинился и зарычал. Он голову пригнул и начал медленно водить хвостом. Окажись они вдвоем, еще не ясно, чем бы все закончилось. На счастье Коли рядом проходила тетя Клава, решительная женщина и мать своих детей.

– Ах, ты с... ка подколодная!!! Ишь, че удумал старый пес! – Клава подняла увесистый камень, прицелилась и бросила. Тот пролетел и упал на землю рядом с собакой. Клавдия подобрала еще один: – Теперь от меня не уйдешь, вторым-то точно попаду!

Пес отскочил от камня и огляделся: недалеко от Коли увидел женщину с булыжником в руке и с однозначными наме-

рениями. Он зарычал и попятился назад, потом резко развернулся и рванул в ближайшую подворотню.

– Я сколько раз соседу говорила, чтобы собаку привязал, все никак не понимает! Ты, Коля, осторожненько тут ходи, видал какого выродка отвязали? – она долго разорялась, пока шла по дороге к своему дому. А Коля в это время отходил от стресса. Он крепче сжал палку в руке, а другой перехватил авоську с продуктами. Потом он перевел дух и пошел к бабушке.

Мышиное братство

Для Шоно, кроме летающих пернатых, была добыча и по проще: обычные полевки – полевые мыши. Из-за кошки они не появлялись в доме. Однако в стайках и кладовках, там, где комбикорм с зерном, мыши были полными хозяевами!

«Заглядывай себе в закрома, да таскай в норку вкусные питательные зерна. Не жизнь, а рай для грызуна! И ты людей не беспокоишь, и они тебя не достают».

И все бы ничего, но с появлением Шоно, положение изменилось. Первой взбунтовалась кошка. Она – любимица домашних, не смогла никак смириться. Отношение Коли к Шоно, сжигало изнутри, и не давало ей покоя. Кошка решила «все расставить по местам». Изредка, пока никто не видел, стучала волчицу лапами и ранила ее когтями.

Шоно переносила кошкины обиды, терпела, набиралась опыта. Она ничем ответить не могла: ни на кошачью хитрость, ни на природную способность прыгать и молниеносно атаковать. Не было у Шоно и опыта другого: отбиваться сразу от нескольких врагов. Но, тем не менее, обиды все запоминались и до поры хранились, в звериной ее памяти. Повадки кошки тщательно копировались и многократно изучались. «Кошка – цель долгосрочная, дойдет и до нее когда-то дело, она еще поплатится за все свои обиды!»

Пока же Шоно занялась другими, – мелкими, – теми, что были ей по силам, – грызунами. Внимательно следила за движениями в ограде. Снаружи оставалась безучастной, на солнце грелась, и незаметно наблюдала. Распорядок изучила у людей, привычки и повадки у животных.

Однажды, как-то, Шоно заметила полёвку, перебежавшую из стайки, до старого сарая, – туда, где были все запасы зерна и овощей. Мышь ни на что не реагировала, происходящее ее не волновало. У них, со старой кошкой, был свой негласный договор: мыши нигде не появлялись: ни в сенях и ни в доме, – за это кошка их не трогала, не выдавала их расположения людям. От этого и кошке было хорошо – хозяева не напрягают, мышам неплохо, тоже – живи себе, грызи запасы и вкусное зерно. Только в глаза не попадайся, не нарушай чужой границы.

Шоно, как и обычно, сидела возле будки, и осторожно, «в половину глаза», посматривала в дальний угол. Как кошка лапами переступала, зажмурившись на солнце. Их встреча, с этой серой мышью, навряд ли будет очень скорой. Так Шоно проводила время между игрой своей и Колей, и с перерывами на сон и пищу. Она характер изучала, повадки мелких грызунов. И мыши тоже к ней привыкли, – к той белой «маленькой собачке».

И вот, настал момент однажды, большая мышь решила прояснить: «с кем эта „белая собака“ – с мышами за одно, – в священном сером братстве, или с людьми и ненавистной

кошкой».

«Была б их воля, – они бы показали! Повыгоняли бы из стайки дармоедов: животных и людей с ловушками и мышеловками, – на улицу, – из хаты вон! Но, к сожалению, пока что, приходится терпеть все это безобразия».

Мышь подползла к волчице, затаилась сзади, возле ее хвоста. Шоно почувствовала легкие укусы, потом они усилились и постепенно в боль переросли. Но хищница стерпела, – никак себя не выдала. Ей окончательно поверили. Гость осмелел, забрался в миску и «отложил туда свои какашки».

«Но это было уже слишком! Наглости такой не стерпит настоящий зверь!» Шоно подобрала момент, и мягко прыгнула. Сверкнули острые клыки, и мышка оказалась в пасти. Шоно схватила дважды, потом мотнула головой. Хотя усилий не потребовалось больше. Тело грызуна болталось в волчьей пасти, а длинный хвост, мышиный, волочился по земле. Волчица унесла его туда, где часто ходят мыши.

Тем вечером, в сарае собрался «серый сход». Главный разъяренный Мышь, в порыве, встал на лапки, и, шевеля усами, выкрикнул:

– Они хотят войны – они ее получают! Теперь домашние, и кошка, конечно пожалеют, что как-то родились на этот белый свет! Другие мыши подхватили: в ответ все запищали. В большом порыве завязалась драка: одни ругались, спорили друг с другом, другие вспоминали старые обиды.

– Молча-ать! – «вскипел» их предводитель. Он сверху ки-

нулся в толпу и стал кусать направо и налево. Так после выкриков и потасовок бурных, – всё братство сразу поутихло. Мышь постепенно успокоился, и сразу к делу перешел. Давно назрела ситуация: меры к этим людям и к животным нужно принимать. Он нарисовал стратегию и план дальнейших действий.

Смеркалось. На небо выкатилась полная луна, собою осветила весь неровный горизонт. Деревья и дома, в холодном лунном свете, отбрасывали рваные пугающие тени. – То силы тьмы вступали в новые, законные права. А тишина, неразделимо жуткая, проникла во все щели, в подворотни и дворы. Деревня засыпала крепким, беспробудным сном. Ночь наступила на дворе. Среди ночи и в помещении душном, с узким треугольным входом горел неяркий свет. Стол небольшой, со сбитыми углами, стоял посередине. На том столе лежали карты. «Серый командир» приказы отдавал своим бойцам. В спертom воздухе витало напряжение. Оно давило на мышей, и не давало расслабляться. Главный предводитель роли раздавал. Так, уяснив задачи боя, мыши сверили свои часы: «время «Ч» назначено на утро. Все основательно настроились и разбежались отдыхать...

На следующее утро, Оюна встала чуть пораньше, и собралась готовить завтрак, как в хлебнице заметила погрызенные корки, помет мышиный – мелкие горошины. А на краю стола бежала мышь. Она остановилась, и посмотрела на Оюну, хвостом махнула, и продолжила движение.

Это был наглый вызов!

– Мы-ы-ышь!!! – раздался крик истошный. Оюна завизжала. Со страху мама Коли забралась на табурет. От крика ее громкого проснулись все домашние, гурьбой по высыпали, туда, где свет горел. А там «картина маслом»: их мама в шлепанцах одних, в ночнушке с полотенцем, истошно верещала с большого табурета. Домашние не поняли, – не сразу осознали, пока не убедились сами. «Откуда взялись эти мыши, и почему их кошки рядом нет?»

Однако, для нее самой, событие такое стало неожиданно: «Они, ведь, заключили мир с мышами. Их не должно быть здесь! Теперь, придется снова, все кошке начинать, хотя и годы далеко не те, и нюх уже подводит, и глаз ее совсем неймёт».

Тут неожиданно забили барабаны, и заиграл ритмичный марш. На поле выехали всадники, и повели коней вперед. Конница лихая врезалась в неприятельские строи, круша все на пути своем, и сея панику в рядах. Их нападение оказало воздействие на домочадцев. Пять огромных серых тварей выскочили из отдушины в полу и побежали на людей. Орды грызунов наполнили квартиру, бежали в комнаты и в кухню, прыгали высоко – старались больно укусить.

Степан откинул мышь с буфета, вторую стукнул на плите, чугунной сковородкой попавшейся под руки. Оюна же, с детьми, бежали со всех ног во двор. Однако и Степан не смог так долго отбиваться. Он тоже выскочил из дома, за-

хлопнув за собою дверь. Напуганные люди, стояли на пороге, не зная как им дальше с мышами поступать.

Светало на улице. Ласковое солнце всходило из-за дальнего леса. Оно медленно пробивалось сквозь прохладную тьму, освещало темные деревья, будило деревенских птиц и животных. Такие моменты самые приятные, трудно о них когда-нибудь забыть. Однако, то утро, знаменательное, домохадцы запомнили надолго. Мышиная атака произвела впечатление на людей.

– Папа, а что с нами будет? – спрашивали дети у Степана. – Как мы домой пойдем? Нас мыши не съедят?

– Я сам такого не видел никогда! – Степан пребывал в замешательстве. – Чтобы мыши бежали в дом в таких количествах, да еще прыгали на людей!.. – он призадумался: «Теперь любые средства хороши, лишь бы избавиться от этих серых тварей».

– А как я буду спать, они же нападут на меня? – забоялась Оюна. Из всех домашних мама была самой приспособленной к жизни, однако мышей она боялась больше всех.

– Не бойся, мама, мы с папой что-нибудь придумаем! Да вон, Шоно у нас! Она и птичек ловит, и мышей этих тоже поймает, – поддержал Коля. – Ей только команду надо дать.

– Да чего она умеет, – твоя Шоно? – с недоверием сказала

Катя. – Она же волчица, а не кошка.

– А наша кошка почему-то не работает, – проговорил Степан. – И кстати где она?

Кошка понимала ситуацию, и чтоб ее не трогали, незаметно сбежала на улицу, под навес, где и продолжила свой неоконченный ночной сон.

Тут, разбуженная громкими разговорами, из будки вылезла волчица.

– Вот и Шоно проснулась, – обрадовался Коля. – Мы ее в дом запустим, она всех мышей разгонит!

– А ну-ка, иди сюда! – поддержал идею Степан. – Шоно, ко мне! – Он широко открыл двери и пропустил волчицу вперед. Шоно проследовала внутрь. В комнатах и в коридоре по-прежнему горел свет. На кухне, на столе и на полу, – где только можно, – везде сидели мыши. Они праздновали первую победу и завтракали отбитой у людей «добычей». Припасы, те, что оставались с вечера, были почти съедены, а рядом в большом количестве валялись черные отметки.

Степану было не впервой ловить мышей, поэтому он в дом вошел сразу за волчицей. Коля с Катей проследовали за своим отцом, а после них с опаской осторожно вошла Оюна. На кухне послышалась возня и сильный писк. Еще с порога, волчица увидела мышью, которая сидела на полу и поедала крошки. «Неприятель» был уверен в превосходстве и не боялся никого. Первой жертвой Шоно была она. Волчица прыгнула и прокусила шею мыши. И тут же не раздумывая, сразу,

переключилась на других. Прыжок – и зубы снова настигают жертву.

«Большая смерть» мышинная металась в кухне и забирала ненавистные тела. Шоно им отсекала все пути назад. Мыши, ошалевшие от ужаса, выскакивали в комнату, бежали в коридор и кухню. Они запрыгивали на диваны и кровати, и на людей пытались прыгать, – разгоняли их по табуреткам и шкафам. Оюна, в это время, оказалась в зале. Она увидела мышей. Со страху прыгнула на стол, вазу опрокинула с цветами, коленями своими скатерть кружевную собрала.

– Ой, мамочки, спасите! – прокричала мама Коли. – Спасите, помогите!

На крик о помощи вбежала белая Шоно, в зубах она держала шевелящуюся мышь.

– Уйди, уйди отсюда! – Оюна замахала полотенцем. Страх был сильнее разума ее.

Шоно опять исчезла в кухне, догоняя снова жертву. Спустя минуты хаоса и беспорядка в доме постепенно стихло. Люди вышли из своих укрытий: Степан спустился с табурета, Коля слез со шкафа, а Катя со своей кровати. Одна Оюна оставалась на столе. Она сидела и дрожала. У нее была истерика.

Дети окружили маму и попытались успокоить. Степан старался тоже, супругу поддержать. Итог охоты: – две серых тушки лежали в кухне на полу, еще одна лежала в комнате, другая в коридоре. Из зала, мягким шагом, вбежала белая

волчица. Глаза ее горели от азарта. Она нашла хозяина и положила перед ним большую мышь. Счастью Коли не было предела, – его Шоно освободила дом от грызунов. Она всем показала, что значит настоящий хищник! После случая того, мышей никто не видел. Люди успокоились и стали жить как прежде. Кошка поняла ошибки, хотя домой она не торопилась. Лишь появлялась на ночь или на обед. Домашние не забывали про нее. Утром, днем и вечером, все, так же как и раньше, кошка получала свой корм и молоко.

Коля любил свою волчицу. Он обучал ее командам, возился с ней, играл, порою даже злить пытался. Волчица же продолжила охоту на мышей. Теперь из дома Шоно перешла во двор, оттуда – в огород, и в стайку, и в сарай.

Один раз в два-три дня волчица появлялась утром и приносила на крыльцо очередную мышь. Хозяин радовался за нее и звал других на это посмотреть. Однажды, поздно вечером, Шоно исчезла в огороде, и появилась только утром. В зубах она приволокла большую раненую крысу и положила на крыльцо. Её размеры – в половину хищницы и хвост её – такой же длине. Она была еще живая и даже шевелилась, но Шоно не давала ей, подняться или убежать. Хищница игралась со своей добычей, гоняла по ограде, тащила то за голову ее, то за огромный хвост.

– Вот это зрелище, аднака, – Милхай Степана поддержал.

Кошка напугалась серого мутанта и перестала выходить во двор. Сидела дома до тех пор, пока Степан не вынес крысу в мусорном ведре. С того момента, кошка, зауважала Шоно, побаиваться стала, и даже избегать.

Шоно росла, и с ростом просыпались хищные инстинкты. Волчица обрела уверенность в себе и в собственную силу. По вечерам она ходила на охоту. Домашних и животных – не трогала, но принимала за своих. С тех пор ушли и грызуны, и птицы стали редкими гостями. Степан рассказывал Милхаю о ее успехах. Однако тот не очень-то обрадовался.

– Ты понимаешь, Степа, нужно хорошо подумать, что делать дальше с Шоно. Пока, что маленькая – птичек давит и мышей. На то она и хищник, чтобы охотиться. Однако подрастет немного, и в азарте, уже не сможет удержаться. На дичь другую станет нападать. А у тебя какая дичь? – Животные, твои, домашние, да вы с Оюной, и с детьми.

Но, к сожалению, Степан не придавал значения словам отца. Пока все было, как и прежде. Мышей почти что извели, и птицы редко появлялись. Лишь пугало осталось в огороде как старое напоминание былых времен. Посевы всходят, – пернатые их не клюют, боятся попадаться в зубы к Шоно, – все у соседей больше промышляют. Для Коли радость – чудо рядом с ним растет!

Шоно взрослела. Мальчуган таскал ее везде. Ходил с ней в лес, по улице гулял, навещался в гости к другу. Ошей-

ник надевал, и поводок привязывал к ошейнику. Так, вместе с Шоно, они ходили за ворота. И в этом что-то было сильное, глубинное со смыслом, – как будто от самой Природы:

Человек и дикий зверь не стали больше враждовать. Но их объединила дружба, их преданная верность, и настоящая любовь.

В деревне стали замечать Милхаевского внука. Его сопровождала белая «собака». Дворняги лаяли на Шоно, и будто чуяли угрозу. Шоно никак не реагировала, но иногда, под Колиной защитой, огрызалась. А Коля не давал её в обиду: брал с собой большую палку. Он в это время становился сам как дикий зверь, готовый биться за свою Шоно. В нем просыпалась Сила. Собаки опасались связываться с Колей.

Когда узнали деревенские про волка, тут же начали Степану досаждать: «Волк – зверь хищный, а по деревне ребятишки ходят, да старики, – ни дай Боже кого укусит или кого-то задерет...» Грозилась жаловаться в деревенскую управу. Степан, как мог, от них отбрехивался, и потому угрозы проходили мимо. Хотя беда таилась рядом – в другом, неожиданном для Коли месте.

Однажды, собаки выбрали момент, и «налетели» на Шоно. Коля, в это время, зашел проведать друга. Волчицу, рядом с домом, поводком к забору привязал. Собаки выждали

момент и кинулись на Шоно, своей большой свирепой сварой. Они её изрядно искусали. Коля как услышал собачий лай, так сразу выскочил на помощь. Он их, по спинам и хребтам, охаживал дубиной, и всех сопровождал отборным матом. – Когда-то было дело: – нахватался в магазине у пьяных деревенских мужиков. Коля отогнал собак, поднял волчицу и принес ее во двор.

– Тяжелая какая! Димон, ты дай мне санки, я Шоно увезу домой.

– Бери, только потом, помой от крови, а то вдруг мамка спросит, – чего я ей скажу?

– Договорились, – он положил на санки Шоно, большую палку прихватил с собой и покатил ее до дома.

Оюна обработала волчице раны и расспросила Колю, как произошло. Коля рассказал про Шоно, потом поставил санки в умывальник и отмыл от крови их, как Димке обещал.

С волчицей Коля был как нянька: выхаживал ее и теплым молоком поил. Шоно, под Колиным присмотром, быстро поправлялась. Прошли недели, и волчица уже бегала в ограде. Слегка хромала, – раненная связка не заживала еще долго. Волчица изредка смотрела за ворота, боялась новой схватки с многочисленным врагом. А Коля, после случая того, брал острый дедов нож, когда ходил на улицу. Он был готов хоть насмерть драться за свою любимую Шоно.

Минуло полгода, волчица подросла немного. Теперь она везде сопровождала друга. Хотя собаки, не ослабили нажим.

Особо сильно досаждал соседский злобный пес.

Черный обитатель неба (турлааг)

Птица высоко парит и чувствует вибрацию.

Хозяин леса – сильный Дух летает в ее теле.

В чьей он сегодня во плоти: в вороне ли, в синице?

Откуда тебе точно знать, где он на самом деле.

(Хозяин леса)

Как-то давно один из поселковских ребят гостил у своих родственников в деревне. Он хорошо знал местных пацанов, потому что раньше жил здесь вместе со своими родителями. Потом его отца перевели на другую работу, и они переехали в поселок. Тем не менее, каждое лето он гостил у дедушки с бабушкой. И осенью, раз в год, вместе с родителями приезжал на Родовой обряд. Парня звали Алдар. Шустрый не по годам: где куда залезть напакостить, нашкодить – он завсегда впереди. Игры в бабки (бабка – суставная кость у крупных домашних животных), в пристенки (игра на монетах). Где в карты, где покурить тайком – везде Алдар в зафейниках. Роста не высокого, ни силы, ни умения, хотя задира он еще тот. За ним всегда шли старшие. Кто среагирует на его наглую выходку, тот потом от старших и получает. За такие подлости Алдара невзлюбили.

– Ненашенский Алдар, поселковский, – осуждала продавщица тетя Клава. – Пока в деревне жил, вроде хороший па-

рень был, а как поселок переехал – спутался с хулиганами и совсем испортился. Вы бы лучше не водились с ним, такой вас подведет «под монастырь», – пыталась она отговорить ребят.

Но за всеми недостатками кое-что у Алдара неплохо получалось. Он обладал талантом организовывать толпу. Как-то раз он позвал мальчишек пострелять по мишени. Прихватил с собой дедову «воздушку» и полную коробку свинцовых пулек. Ребятам было интересно, что старший с ними возит-ся. Они собрались впятером, и «большим гуртом», все вместе пошли за огороды. Взяли с собой бумагу – альбомные листы и карандаш. Нарисовали круги как на мишени, цифрами разметили и начали стрелять. Сперва для пробы стрельнули по разу. Потом Алдар предложил на интерес: на мелкие монеты. За каждый промах – три копейки положить. Выигрывает тот, кто оказался метче. Алдар был лучшим, и постепенно забрал всю мелочь у ребят. Дальше стало неинтересно стрелять просто так, тогда он усложнил условия. Алдар предложил «палить» по воробьям, по тем, что сидели рядом на ветках. Двое из пяти мальчишек отказались сразу.

– Не будем мы по птицам стрелять, – сказал Слава, он был постарше остальных.

– Ну, не хотите и не надо. Я вас силком не заставляю. Не нравится, тогда идите отсюда.

Слава с младшим братом собрались и пошли домой. Остались Ваня, Сава и Алдар. Втроем они палили по живым ми-

шениям – по синицам и по воробьям. Птицы маленькие, юркие, трудно в них попасть без должного навыка. Хотя и здесь решение нашлось. Недалеко у опушки леса летали вороны, они-то и привлекли внимание ребят. Пройдя немного в сторону опушки, на расстояние выстрела, Алдар остановился, переломил ружье, вложил туда пульку и вернул приклад на место. Потом прицелился и стрельнул. Раздался глухой щелчок. Снизу было хорошо заметно, как ворон «дернулся», в сторону, и этим уберется от попадания пули.

– Вы чего тут творите?! Я вам щас уши-то пообрываю! – громко разразился дядя Федор, – бывший участковый, – «молодой пенсионер». Он случайно проходил мимо и увидел ребят с ружьем. – А ну-ка сдать оружие! – сказал он резким командирским голосом.

Пацаны оторопели. Алдар сразу понял, чем дело «пахнет», бросил свою «воздушку», и побежал тикать, да так, что только его и видели. Сава же с Ваней никуда не побежали. Дядя Федор строго расспросил мальчишек, забрал у них ружье и наказал, чтобы передали Алдарову деду вечером зайти к нему.

– Вам ребята я так скажу: не связывайтесь вы с этим парнем, он у нас в поселке в детской комнате милиции состоит за хулиганство. Попадете в неприятность, и вас привлекут, – предостерег их Федор. – В одной деревне живем, – родители знают друг друга. А ружье, оно без разницы, – что огнестрельное, что воздушное, для детей – опасное. Маленькие

вы еще, чтобы из ружья стрелять, тем более по воронам. – Я все понятно объясняю?

– Понятно, дядя Федя, – ответил, Сава и понуро опустил голову.

– Если еще раз увижу в компании с Алдаром, сразу родителям сообщу.

От этих слов Ваня даже расплакался.

– А ну-ка не реви, нюни распустил, понимаешь! Мужик ты или кто?!

– Мужик, – ответил Ваня, всхлипывая и утираясь грязными руками.

– Ну, вот и молодец. А теперь давайте быстро по домам, а то родители, наверное, вас уже потеряли.

Пацаны оказались понятливые, им не потребовалось повторять дважды. После того случая они больше не водились с Алдаром. Тем же вечером к бывшему участковому заглянул Алдаров дед. Клавдия, супруга участкового, заварила свежего чаю и угостила деда домашней выпечкой. Они долго беседовали с Федором про молодежь, про нынешнюю да про внука непутевого. Дед, бывший фронтовик, все понял повоенному. Он поблагодарил хозяйку за чай и Федора за его повзрослевшего «оболтуса». Забрал воздушное ружье, оделся и пошел домой. Дома он провел свою «беседу»: жесткую, по-мужски – выпорол ремнем непутевого внука. На следующий же день из поселка приехал отец Алдара и увез его с собой. С тех самых пор Алдара в деревне никто не видел. Раз-

ве что раз в год, и то с родителями, у Шамана, на Родовом обряде.

Охоту ради развлечения Милхай никогда не поощрял. А тем более, по лесным воронам.

Была зима, стояла теплая и снежная погода. Макушки у деревьев покрылись густыми меховыми шапками. Глубокие сугробы становились серьёзным препятствием для жителей тайги. Мыши-полевки изредка нарушали эту «бесследную идиллию», оставляли петли, узоры замысловатые на пушистой зимней поверхности. Их жизнь мышьяная была наполнена своим особым смыслом. Старая сосна осыпалась мелочью на свежий снег. То белка прыгала с ветки на ветку, по дороге к своим заготовленным припасам. Рядом, на другое дерево, дятел прилетел. Он разбивал древесину клювом, искал личинки короедов, выстукивая при этом ритмичную трель.

Пошел снег, плавно закружил, медленно оседая на ветках. Снежинки спускались с самого неба, сбивались в густые хлопья и поглощали любые звуки, которые доносились из леса. Они падали неумолимо на белую, бережно укрытую землю. Стало совсем тихо. Казалось, будто, все живое вымерло. И птицы в это время не летали, и звери не ходили, а насеко-

мы, до самой весны, заснули анабиозным сном.

Большая птица сидела на ветке и внимательно следила за всем происходящим. Это был черный ворон. Много он повидал на своем веку. Лес для него был как дом: – здесь он родился и вырос, здесь он прошел первые уроки. Так же как и другие птенцы, он «выпал» однажды из гнезда, и самостоятельно полетел. Здесь, в этих же местах родились его родители. Они однажды встретили друг друга, свили семейное гнездо и вывели маленьких птенцов. Когда-то наступает время, и нужно оторваться от других, пойти своим собственным путем. Никакие наставники не сделают того, что ты сам должен сделать. Никто из них не проживет за тебя твою собственную жизнь.

У птицы в жизни – в её падениях и взлетах – никто другой, кроме нее, не упадет и не взлетит.

Ворон помнил первые уроки: когда он – ещё совсем маленьким птенцом сидел в одном гнезде со своими братьями и сестрами. Как мама кормила заботливо и каждому подавала червяка в его маленький клюв. Как однажды он первый раз полетел. Он помнил воздушные уроки с воронами, лесные драки и дележ добычи, первые несправедливости и первые обиды. Но, вместе с тем, существовала и другая сторона: – забота ближних и хорошие наставники.

Птичья жизнь отлична от животных не только красотой полета, но и познанием других миров. Там, на высоте, земля не смотрится единственным пристанищем для жизни. А люди и звери – не единственные существа на свете. Ворон чувствовал не раз присутствие чего-то непонятного. Будто рядом, кто-то находился. Однажды этот «кто-то» помог маленькому ворону преодолеть свой страх. Раскрыл его крылья при падении из гнезда, не дал ему разбиться. В другой раз, он поступил иначе: сбил молодого ворона, отправил его в штопор, заставив падать вниз. Ворон чудом не разбился, из-за малой скорости и малой высоты. Но после случая того он получил урок и начал тщательно готовиться к каждому полету.

По жизни птичьей Ворона вели. Он падал часто и часто разбивался. Но после с верой всматривался в небо. Лишь проходило время, он снова поднимался и становился на крыло. Вот так, через ошибки, через падения сильные и закалялся его характер, ковался сильный и упорный, не сгибаемый Дух.

Случались редкие моменты, когда он видел призрачных существ. Их редко можно было встретить днем, но по ночам и вечерам, в предутреннее время они внезапно появлялись, и так же, внезапно исчезали. Довольно рано ворон узнал и про людей. Он слышал выстрелы охотников, что метились в зверей и птиц. Однажды метились в него. Ворон увидел стрелка с ружьем и резко изменил полет – тем самым уберег-

ся от ранения. Как-то Ворон начал замечать, что снизу наблюдают звери. Так между ними установилась связь. Ворон оставался частью чего-то большего в природе, он научился понимать лесные знаки, передавать на расстояние и быть связующим звеном. В тайге животные и птицы не могут друг без друга.

У леса есть везде глаза и уши: среди людей, животных, или птиц. Так Сущее хранит свои порядок и закон...

Смертельная схватка

Шоно росла в любви и Колиной заботе. Лучшего друга нельзя было найти. Он проводил с волчицей время, кормил ее, играл, дрессировать пытался понемногу. Шоно в своей охоте практиковалась на мышах и птичках. Еще она присматривалась к повадкам остальных животных. Любила наблюдать, как кошка мягко наступает, подкрадывается к жертве, на мгновение замирает и грациозно прыгает. Действует она наверняка, расчетливо, не оставляя шансов.

Везде, где только можно, хищница искала лучшие примеры. Она была хорошей ученицей. Шоно переняла кошачьи навыки. Так выработался «стиль кошки». Был так же у нее стиль птички и стиль мышки. Ей нравилось подолгу наблюдать за вороном. Особенно когда взлетает тот, отталкиваясь от поверхности, и широко размахивает крыльями. Копируя большую птицу, Шоно в прыжке «взлетала» и раскрывала лапы. Именно так ей лучше удавалось хватать синиц и воробьев. Волчица устремлялась вверх, сливаясь со своей воздушной сутью...

У грызунов Шоно училась хитростям движения по земле. Перебегая с места на другое, она меняла быстро направление, не позволяя своему сопернику что-либо предпринять. Терпение и выдержка сильно отличали Шоно. Она на практике училась, всем новым навыкам охоты. Из всех, что дово-

дилось видеть, кошачий стиль казался безупречным. Он объединял в себе все лучшее, что есть в живой природе. Так время шло, Шоно не становилась более домашней. И, не смотря на бой, когда-то ей проигранный, ее Начало раскрывалось только в драке. Момент пришел – Волчица стала огрызаться на собак.

Имея силу от рождения, приобретенные кошачью гибкость, птичью легкость и текучесть, Шоно формировалась в хищника, способного раздвинуть горизонты. По мере роста, – росли охотничьи инстинкты.

«Зачем гоняться за мышами, когда животные есть больше и сильнее!» – Так к грызунам и птицам волчица быстро потеряла интерес.

Однажды Коля шел домой от Димки вместе со своей любимицей. Соседский пес подкараулил и кинулся на Шоно. Рядом сразу собралась большая свора. Собаки лаяли, рычали, но нападать пока что не решались. У Коли ничего не оказалось под рукой. Он, как и раньше, глянул исподлобья, однако не остановил собаку, но только больше раззадорил. Пес остервенел от злости, и двинулся на мальчика. Он зарычал, оскалился, залаял грозно. Коля замахнулся на него, ударить попытался, но пес не глупый, увернулся в сторону и отскочил. Потом он резко прыгнул, схватился за рукав и повалил мальчика на землю. Мальчишка, чтобы уберечься от его зубов,

свернулся калачом: – сказался предыдущий опыт в драках. Одежда тоже помогла – она смягчала все укусы.

Пес, опьяненный безнаказанностью, хватал за все, что попадалось в зубы. Другие шавки были рядом. Они рычали, лаяли, и наблюдали за тем неравным поединком. Лучшего момента выжидали, чтобы начать дележ добычи. Собачьи зубы и клыки хватали мальчика за тело, но Коля не сдавался: за жизнь свою боролся, пытался отбиваться от укусов. Была надежда, что его заметят и спасут. Хотя она, с минутой каждой, таяла. Возня собачья, на дороге, продолжалась без конца. Отчаяние и безысходность посетили мальчугана.

«Неужто жизнь вот так закончится?» – обратился Коля к предкам. В бессилии на что-то повлиять, он в мыслях помолился, так как раньше его дед учил. Он к смерти приготовился почти, как где-то рядом, позади, услышал хищное рычание. Заянам стало неуютно, чтобы Шаманский внук безвременно ушел. Сегодня Дух пришел к нему на помощь и поменял звериные расклады.

Волчица ощутила Силу Леса, древнюю Силу Волка. Природа заступилась за свое дитя и управляла хищницей. Из неокрепшего подростка, она преобразилась в гибкого и молодого зверя, не знающего больше страха, способного терзать, убить или самой погибнуть.

Шоно метнулась в сторону обидчика, «хозяина дворов» и предводителя собак. Инстинкт, дремавший в генах – пробудился, встал на ее защиту, – защиту её друга. Волчица сжа-

лась в мощную пружину и прыгнула по направлению к псу. В полете сбила его с ног, вцепилась мертвой хваткой в горло. Дворовый пес упал придавленный и сразу заскулил. Шоно давила своего врага, гораздо большего по силе, кидала яростные взгляды на окружающих собак. Так раньше бились ее предки с не прошенными чужаками. Они пришли к Шоно на помощь – наполнить силой её тело, и тем усилить её Дух.

Пес захрипел в последнем издыхании. Волчица поднялась и стала его рвать. Глаза блестели у волчицы, а морда, грудь и лапы были в его крови. Все в одночасье поменялось. Суть – время – будто размышляло, чью сторону ему занять. Оно то ускорялось, то замедлялось сильно, не позволяя Шоно эту битву проиграть. Волчица прыгала как коршун, – давила своего врага.

Венец Природы – человеческий ребенок – должен остаться жить сегодня! Соседский пес – его обидчик – жестоко ей наказан.

Опьяневшая от крови, Шоно продолжала рвать. В своем азарте, волчица наскочила на другую шавку, готовую напасть в любой момент. Завязалась драка с новой силой. Мелькали головы собачьи, лязгали клыки и зубы, морды скалились, чужие лапы и тела покрылись бурой кровью. Домашнее животное освободилось чудом от зубов волчицы и со щенячьим визгом побежало убежать. Оно не стало дожидаться, пока его

совсем добьют. Собаки сворой нападали, волчица отбивалась, в ответ удары наносила. И чудо снизошло сегодня:

Природа поменяла правила игры. Так вопреки законам и устоям, Дух хищника оберегал ребенка от его лучших «преданных друзей».

Шоно не стала жертву догонять – переключила ярость на других. Волчица раздавила Дух дворняги своим тяжелым хищным Духом. Жизнь поменяется у той собаки: другая станет – мелочная жизнь.

Огромный пес дорвался до мальчишки, пока волчица отвлеклась. Он попытался рвать одежду, однако тут же отскочил назад. Душок ничтожный у него, и, несмотря на силу и размеры, нутро у пса было тщедушным. Он опасался меньшего противника, в глазах которого увидел смерть.

Волчица бросила преследовать собаку, в мгновение развернулась, и приготовилась к прыжку. В предчувствии смертельном, глаза ее горели, и наливались красной кровью. Волчица прыгнула, и за раз, преодолела расстояние метра в три.

Очередной противник отбивался. С прокушенной ногой и перебитым сухожилием он все еще пытался как-то отвечать. Но тщетно все. Шоно металась молнией в разбитой одичавшей стае. Расчет её работал четко. Не выпуская каждую из виду, она определяла цель. Конечной же задачей была защита маленького друга.

Сви́репый пес лежал в кровавой луже, а несколько собак сцепились с волком. Борьба происходила насмерть. И как из песни слово не исчезнет, так из стиха любая фраза не уйдет:

*Волчица – воин – стоит десяти,
Коль хищный Дух при ней и правда!
Но время наступило раздавать долги,
Число врагов – не для нее преграда!*

*Сегодня никому так просто не уйти,
И сдаться ни за грош судьбе на милость.
Вот цель – огромный пес и его прихвостни.
Вперед Шоно – за друга и за справедливость!*

(Шоно)

Шоно осознавала Силу. Клыками ранила собак, большими лапами, когтями била. Ей очень пригодились опыт общенья с серыми мышами. Меняя быстро направление, Шоно собак сбивала с толку. Так невозможно было угадать: куда она сейчас рванет, а может, развернется – прыгнет, а может вовсе остановится, и снова побежит назад. Волчица вспомнила охоту на мышей.

«Собака – та же мышь, но лишь размером больше. Так если ей сустав нарушить, или же горло прокусить, – тогда противник обездвижен». Шоно хватала всех собак и не давала им собраться, чтоб нападение шло одновременно с трех

сторон. Их перевес ослабевал. Собаки прыгали на Колю, но тут же отступали, под силой и напором, под натиском Шоно. Они бежали врассыпную, и снова в кучу собирались, чтобы потом опять её атаковать.

В вечерней драке, хищный Дух, боролся Существом, собравшим под свои знамена бешеных собак. Они то нападали вместе, ведомые Началом Зла, то в страхе разбегались под натиском Шоно.

Похожая на них снаружи, внутри она была неуязвимой, сама Природа ей сегодня, на поле помогла. Собаки нападали, но не могли с волчицей справиться. Она была проворнее, быстрее резче и смелее. Шоно работала прицельно, и очень методично, четко выбирая, жертву для себя. В отпор агрессии своей, собаки получали злости, свирепой ярости от волка и больших потерь от ран.

Шоно сбивала с ног собак: когтями ранила, ломала кости. Своими мощными клыками собачьи шкуры разрывала. Она преследовала всех, давила их с остервенением. В азарте исступления и борьбы, Шоно входила в состояние: учителя из прошлых жизней ей помогали и вели. Два пса лежали без движения, еще один, в конвульсиях хрипел, три отползали, подволакивая лапы. Все остальные разбегались, с разодранными в кровь боками, разорванными мордами и шерстью. Они в Шоно видали зверя, большого хищника и собствен-

ную смерть.

В далеком поселении из Сибири, с волчицей истина пришла! Сегодня в ней проснулся Дух. Достойная охота: – первая дичь и первая её победа.

– Шоно, ко мне! – она услышала знакомый голос, и тут же отступила. Коля был в крови, вместо одежды, на нем висели грязные лохмотья. Лицо все покарябано, в ссадинах и синяках. Он сам, с трудом, поднялся на ноги и осмотрелся. Перед его глазами представало ужасающее зрелище: зверь тот, что сеял панику в деревне, – лежал в кровавой луже разорванный на части. Разделать так добычу мог только опытный и сильный хищник.

Недалеко от первого – лежал другой. Он был второй добычей Шоно. Третьей – была собака, что лежала в десяти шагах. Дорога бурым месивом была окрашена в кровавый цвет. Яркие брызги разлетались до самых дальних подворотен. Сегодня, в драке с Шоно, досталось каждому «шакалу» из деревни, – все получили по заслугам от молодой волчицы.

Коля позвал ее, и не спеша, побрёл домой. Милхаевскому внуку крайне повезло: не окажись волчицы рядом, он мог бы запросто погибнуть, на главной улице в деревне.

Смеркалось. Коля заходил домой. Оюна увидела его – из-

раненного.

– Ой ты Боже ш мой! – схватилась за голову. – Давай-ка раздевайся быстро – иди под умывальник! – Налила из чайника воды, разбавила её холодной из ведра. – Что с тобой случилось? Опять подрался с кем-то?

– Не, мама, я ни с кем не дрался, – ответил Коля ей спокойно, хотя внутри его трясло. Дрожь передавалась телу: руки «ходили ходуном» от пережитого им шока. Коля весь разделся: до майки и трусов – единственные вещи, что оставались целыми, все остальное превратилось в жалкие лохмотья. Лоб Коли поцарапан, на теле, на руках и на ногах – везде остались раны от укусов. Коля руки сполоснул, помыл лицо и посмотрелся в зеркало. Нижняя губа распухла, а под глазом красовался фиолетовый фингал.

– Мам, Шоно положи, покушать, – Голодная она.

– Никуда не денется, твоя Шоно. Ты про себя скажи, как было дело, – Оюна прижигала раны Коле обычным йодом из аптечки. Боль жгучая пронзила Колю, да так, что слезы покатались с глаз. Он подскочил, начал прыгать, махать руками и шипеть как кошка.

– Подуй, Мама, подуй быстрее! – обмахивал лицо, мальчишка. Оюна дула, Коле, на кровоточащие раны и продолжала спрашивать его. Тот «пошипел» от боли, поохал и поплакал. Потом, когда немного успокоился, продолжил свой рассказ:

– Мы по улице гуляли с Шоно, а потом пошли до Димки.

Я хотел его с собой позвать. Диму, правда, не пустили, потому что он болел. А когда пошли назад, – пес на нас напал соседский. Я сразу начал защищаться...

– Ну, и?.. Рассказывай, давай, резину не тяни, – не удержалась мама Коли.

– Мы с собакой подрались, и она меня кусала. Я кричал и уворачивался, думал, кто-то мне поможет. Но рядом, почему-то, не оказалось никого. Хорошо, что Шоно была со мной. Она набросилась на пса и начала его кусать. Потом они боролись вместе и Шоно его загрызла.

– А как другие? Сколько их там было?

– Их было много, мама. Потом еще одна собака напала на меня. Но Шоно её тоже задрала! Знаешь, она сильная какая! – Коля с гордостью смотрел на мать.

– А как собаки, что делали они?

– Другие нападали на Шоно, но ничего у них не вышло. Она со всеми подралась и всех их покусала, – тараторил Коля, путаясь и торопясь.

– И зачем ты взял Шоно? – пыталась мама сына поучать. – Нечего расхаживать по улице с волчицей. Собаки на нее и среагировали.

– Нет, мама, если бы не Шоно, – они б меня загрызли. Но теперь я точно знаю – они больше никогда не нападут на нас!

За разговорами своими, Оюна с Колей и не поняли, когда с работы папа их пришел. Степан увидел сына, измазанного

йодом, в синих синяках и ссадинах.

– Ох ты, ё... шки моталки! – Это ж как тебя уделали?!
С кем ты подрался, кому сегодня надавал?

Коля повторил историю во всех деталях и подробностях.

– Да... дела у нас... – задумчиво проговорил Степан. – Повезло сегодня сыну... Да, нам с тобою повезло, что Шоно оказалась рядом, иначе... Нет, не буду продолжать. А как же насчет бешенства? Если те собаки бешенством болели, они могли и Колю заразить?

– Да, я и не подумала, – Оюна встрепенулась. – Мария же! К ней надо срочно обратиться! Медсестрой работает в медпункте, поди, подскажет если что. – Оюна стала быстро одеваться. – Давайте, кушайте там без меня: все на плите стоит, я все вам приготовила. Оюна шаль накинула на плечи и побежала за калитку.

Степан же с Колей продолжили свой разговор.

– Понимаешь, сын, – Шоно – хищник. Соседи уже жаловались мне, грозились, если что, в управу сообщить.

– Но, папа, Шоно хорошая, она людей не трогает, – пытался заступаться Коля.

– В том-то все и дело, что пока не трогает. Сегодня, вот, тебя спасла, собак убила, почувствовала кровь на вкус. А что, с ней дальше будет? Она ведь может и на скот напасть, или на нас чего хорошего...

– Но папа, этого не будет, – начал Коля умолять отца.

– Да знаю, что не будет. Только мы живем среди людей,

а здесь свои законы, и правда, тоже здесь своя. Тут хошь, не хошь, а надо подчиняться. И это... Я вот что: завтра отведу Шоно за огороды... – И больше не сказал ни слова. А Коля сразу же заплакал. Он все прекрасно понимал, что будет дальше с Шоно.

– Папочка, миленький, не убивай Шоно, пожалуйста! Она хорошая, ты просто отпусти, пускай она в лесу живет!

Степан закончил ужин, уселся в кресло, ближе, к телевизору. Он, к сожалению своему не мог такого сыну обещать.

На следующий же день, Степан надел ошейник на волчицу. Он взял с собой ружье, патроном зарядил, и вместе с ней, пошел за огороды. Спустя минуты, Коля выстрел услышал. Отец домой вернулся, достал из холодильника бутылку тарасуна, налил в стакан и капнул, а потом все залпом выпил.

Коля сразу понял, что произошло, он кинулся к отцу на руки и расплакался. Долго, так, они сидели: один – тихонько хныкал, шмыгал носом, и слезы утирал, другой в раздумья погрузился невеселые свои

После того события – деревня загудела: и разговоров было, и ругани и споров... Люди на дорогу возвращались, смотрели на следы собачьи, картину полную старались воспроизвести. Место волчьей драки находилось рядом с домом самого хозяина большого пса. Того самого, которого загрызла Шоно. Он не мог не слышать Колю, когда тот на помощь звал. Но почему-то, он не вышел и не помог мальчишке. Утром, первым делом, побежал в управу.

История по ходу обрастала небылицами и разными деталями. Но «факты говорили» и остались неизменными. Еще бы: местные собаки чуть не разорвали Колю.

Байра – хозяин пса – сильно возмутился, и деньги от Степана требовал. Другие наблюдали, чем это все закончится. Кто-то, так же как и Байра, подумал предъявить Степану.

– Я говорил давно, – волчицу нужно пристрелить, – это неправильно, когда в деревне ходит волк! – речь его была громкая, эмоциональная. Его послушать, – так Коля сам был виноват, что спровоцировал собак на драку. Потом же, его злобная волчица напала хозяйскую собаку. После такой «невинной» речи, на деревенском сходе, встала Клавдия Петровна – старший продавец универсама:

– Ишь чего захотел, – компенсацию ему подавай! На счет заряда соли в *опу не подумал? – напустилась на хозяина собаки. – Давно пора было паскуду пристрелить. Сколько старушек напугал твой пес, детишек тоже! Да было б у меня ружье, я бы его сама прикончила. Не далеко, как пару дней назад, отогнала собаку от мальчишки. Мог ведь тогда ещё напасть. И это благо – зверь хозяина не бросил. А если бы твой пес его задрал, чего бы ты тогда запел? – В тюрьму пошел бы? – А... Чего молчишь?

– Да если бы у бабушки был..., она бы дедушкой ..., – съязвил Байра, в ответ на выпады.

– Ну, вот вы посмотрите на клоуна такого, – он и сейчас-то ничего не понимает! Ух, только попадись мне пьяный, после

получки, в магазине! Спуску не дам, – прибыю! – Помахала в сторону Байра и своим немалым кулаком. Тот осекся сразу, потупил взгляд и голову нагнул. Горячий норов продавщицы в деревне знали все. Если чего, – за словом не полезет, она и слов не будет подбирать. Кость широкая у Клавдии – вся в своего отца. Тяжелая рука – в горячке лучше к ней не попадаться.

– Ты помолчи, Байра, действительно! – добавил пожилой печник. – Коли неправ, так не пытайся свой характер показать. А с женщиной тем более молчи. – Герой, какой нашелся! Правильно все Клавдия Петровна говорит, паскудный пес твой, – весь в своего хозяина. Я сам тому свидетелем пойду: меня он тоже чуть не покусал. Это хорошо, что сын, мой, с работы возвращался и твою псину палкой отогнал. Закон у нас такой, Байра: если завел собаку, тогда на цепь ее сади, чтобы по деревне не бегала, детей малых да стариков не пугала. Оно же, кстати, и других касается: не один же его пес бегал по деревне. И вот еще... Драка ведь когда была? – Вечером, когда все дома были, и аккуратно под окнами Байра. А Коля ведь кричал и звал на помощь, собаки тоже громко лаяли. Правильно я понял? – он обратился к залу.

– Да, да, все так и было, – подтвердили деревенские.

– Тогда чего же ты не вышел, и не помог?! Или может испугался? Как на женщину ругаться – так ты храбрый, а как ребенка защитить – так струсил?! И кто ты после этого? – Мужик или кто? Да тебя за это под суд надо отдать! – печник

разошелся, покраснел и не мог уже остановиться.

Люди на собрании зашумели. Спорить начали, между собой, кричать. Послышались угрозы в зале.

– Тихо, товарищи, тихо, давайте уважать друг друга! – успокоил председатель схода. Надо для начала всех послушать.

– Насчет Степана, я так скажу: он правильно все сделал. Увел волчицу в лес и застрелил. Не чета тебе – осознает свою ответственность, – сказал печник уже спокойным голосом.

Тут снова Клавдия Петровна поднялась:

– Предлагаю сделать выговор Байра. Оно не только для него урок, – и для других, чтоб неповадно было! Люди снова зашумели, начали спорить и ругаться. Так постепенно ругань, уже, перерастала в крик.

– Тише, товарищи, тише! – прервал их председатель. – Не на базаре ведь находитесь. Поступило предложение вынести вопрос... Кто будет – за...?

Все подняли руки.

– Итак... – он чуть помедлил. – Кто за то, чтобы объявить взыскание Байра, – руки поднимите.

Зал оживился, и обсуждение продолжилось с новой силой.

– Тише, товарищи, давайте уже проголосуем! Кто против? Кто воздержался?

Посчитали голоса. Две трети от присутствовавших подняли руки «за». Треть была против, воздержавшихся не оказа-

лось. Документ оформили и подписали.

– На этом сход считается закрытым! Всё, товарищи, собрание окончилось! Колхозники стали подниматься с мест, но обсуждение не прекратили. Особо рьяные продолжили спорить и ругаться, – их остальные вывели на улицу. Зал постепенно опустел.

Милхаевскому внуку не приходилось долго горевать. Пока что он ходил со шрамами: лицо и руки были у него в зеленке. В дополнение, ждали неприятные уколы. Коля хныкал и не хотел идти в медпункт. Еще, он жаловался деду. Однако Милхай отвечал в своей излюбленной манере:

– Ну что, Колюня, – истыкают тебе всю шкуру, на барабаны ее больше не натянешь!

Но Коля шутки, той, не оценил: обиделся на Милхая, и как пузырь надулся.

Месяц целый пролетел с того самого времени. Раны за-растали, а вместе с ними забывались и обиды.

Однажды, после работы, Степан принес домой большого мохнатого щенка. С кличкой не приходилось долго выбирать. Хозяин, бывший, уехал в город, а собаку передал Степану. При рождении, он нарек щенка бурятским именем – Батор, что в переводе означало «богатырь»! Домочадцам оно понравилось. Так и поселился Батор у Коли – его новый «маленький» любимец.

– Прямо, как мой друг – Батор Церенович! – одобрил

Милхай. – При случае скажу, что сын собаку в его честь назвал.

– Не говори лучше, не надо – а то расстроится еще, обиду затаит, – посоветовала Янжима.

– Так то же не из злости, наоборот – из уважения! Да и не обидчивый он, рано или поздно сам узнает.

– Тем более не надо.

– Не буду, – Милхай супругу успокоил. Он хитро улыбнулся и Коле подмигнул.

Глава 2. Шаман Милхай

Обряд годового капания

Давным-давно в одной сибирской деревушке жил Шаман по имени Милхай. Возраст его с виду никак не определялся. Легкий прищур в глазах и выдающиеся, скуластые черты лица придавали ему суровости. Житейская мудрость и веселый характер отражались убеленными сединой висками и мелкими морщинами в уголках глаз. У него было загорелое на ярком солнце, смуглое, обветренное лицо, худощавое, жилистое телосложение. Но, несмотря на годы, Шаман сохранил живой огонек в глазах. Во взгляде чувствовался сильный Дух, а внутренняя сила и крепкие руки позволяли делать любую тяжелую физическую работу.

Шамана в деревне уважали и даже побаивались. Мало кто из мужиков попробовал бы «померяться взглядами» или пристально посмотреть в глаза Милхаю. А уж тем более поспорить с ним, рискуя попасть под его горячую руку. Они приходили только по доброму поводу, по-соседски, за советом или по большой надобности. Бывало, Шаман их сам призывал.

Одевался Милхай скромно, ходил в старой удобной одежде. Супруга Милхая, Янжима, следила за его внешним ви-

дом. Аккуратно наглаженная одежда, чистота и порядок в доме отличали ее как хорошую хозяйку еще с самых молодых лет. Она любила Милхая и где-то даже по-матерински заботилась о нем.

Деревня была по местным меркам средней – как по размеру, так и по своей численности. Она растянулась вдоль дороги, на удалении от окружного центра, в стороне от основного тракта. В одном ее конце располагалась ферма с мастерскими, с водокачкой и котельной, в той же стороне была большая школа с детским садом. Медпункт и почта с магазином находились в другом конце.

Население в основном состояло из бурят и некоторых других народностей. Соседи знали друг с другом и здоровались при встрече. Пожилые люди и старики ходили в гости, пересказывали очередную деревенскую новость: кто где побывал, к кому родственники из города приехали, женился кто-то или помер, – обо всем этом вести быстро разносились.

Изба Милхая, хоть и не новая, но теплая, добротная, располагалась возле леса, на самой окраине деревни. Резные ставни и высокие ворота примечались еще издалека. Забор дощатый прикрывал все происходящее внутри. Во дворе стояли стайка, дровяник, навес для сена и хозяйского инструмента, летняя кухня и баня. Еще одна калитка поменьше вела прямо в огород.

Рядом с домом был гараж. Там на массивных полках «жили» бензопила, лампа паяльная и трансформатор. Столяр-

ный строгальный станок – Милхаевская беда и выручка – располагался вдоль стены, не далеко от мотоцикла. «Урал – трудяга», пусть уже не новый, однако все такой же мощный и надежный, «жил» в том же гараже.

Когда люди приходили на обряд, во дворе разводился костер, выносились скамейки, стол и стулья. Одни из приглашенных стояли в это время, а другие сидели, как и положено. Гости, приехавшие на ежегодное капание, были главными лицами. Управлял всем этим действием Шаман, являясь проводником между миром нашим – миром людей – и миром духов.

Редкие события могли всколыхнуть деревенский уклад. Жизнь была обычная, такая же, как и у других. Люди трудились, рожали и воспитывали детей, пока те сами не становились взрослыми и не обзаводились собственными семьями. Старики учили сыновей, а те учили внуков. Так продолжалось долго, из поколения в поколение.

Давно, когда Милхай еще трудился по профессии и не был шаманом, внезапно стали уходить его братья и сестры, дяди и тети, близкие и дальние родственники. По стечению обстоятельств, происходящих в родове, он неожиданно для себя стал самым старшим. Наступил его черед. Милхаю не приходилось особо выбирать. Шаманские корни были по отцу и по матери. Нужно было принимать решение. Но Милхай

сопротивлялся, не хотел ответственности, переживал за себя и за родных. А потом он сильно заболел, как будто «на ровном месте». Поначалу пытался сам лечиться, по больницам ходил, по врачам, однако тщетно.

Несмотря на все усилия, он постепенно угасал: то температура повышалась и никак не проходила, то лихорадило его даже под теплым одеялом и в шерстяной одежде. Суставы ныли так, что и подняться было невозможно. Сердце выскакивало из груди, голова раскалывалась и желудок сводило. Пот холодный катился по его телу, слабость валила с ног. Внезапно пропадал аппетит, и Милхай ничего не ел по нескольку дней, пил только чистую воду. Даже от чая его выворачивало. Похудел совсем, стал как скелет ходячий: одни глаза, да кости, обтянутые кожей.

«В чем только душа его держится?» – говорили соседи. Разные были симптомы, одно лишь одинаково – не помогали ему ни лекарства, ни больницы. Облегчения кратковременные сменялись длительными приступами, которые становились все сильнее и сильнее.

Потом, однажды, он начал видеть тени. Сперва не поверил своим глазам: «То ли на самом деле все происходит, то ли померещилось». Когда не спал по ночам, с температурой мучился, кто-то заходил в хату и там оставался. На следующее утро Милхай спрашивал у Янжимы, слыхала ли она чего? На что получал отрицательный ответ. Двери закрывались на массивный засов, да и собака бы залаяла, если бы

чужого почувствовала.

Шло время, но состояние Милхая ухудшалось. Янжима вызывала скорую. Приезжали доктора, кололи какие-то лекарства, давали направления в больницу, и все повторялось снова. В больнице он начал видеть мертвых. Сам не задержался там надолго. Не в силах больше противостоять, Милхай поник духом и ослабел. Медики от безнадёги отправили его домой. Милхай по-прежнему не спал, все так же слышал, как кто-то входит в дом и остается. В моменты просветления он начал подумывать, не сходит ли с ума. Однако позже осознал, что все еще при памяти и в состоянии рассуждать здраво.

После попыток излечиться и убежать от собственной судьбы, Милхай смирился с неизбежным. Родные, тем не менее, рук не опускали. Янжима продолжила искать любые средства, которые бы помогли ее мужу. Она обегала всю округу, договаривалась с больницей, разных докторов водила, но ничего не помогало.

Однажды в доме появились старики – старейшины большого рода. Они приехали издалека, с самого дальнего поселка, что на берегу «большого моря». Прознали про Милхая и про его болезнь от других шаманов. Пообщались с Янжимой, а после Милхая стали убеждать: «По поводу близких твоих, ушедших, ты сам понимаешь – тебе много не нужно объяснять. В Роду теперь ты самый старший. Нет человека в родове с тех пор, как Шаман ушел. Некому грехи отмали-

вать и предков помянуть. Подумай: кто-то ведь должен выполнять эту работу. Если не ты, то кто? Глянь, сколько молодежи за тобой идет, ты о себе не думаешь, тогда о них хотя бы подумай. Им ведь жить еще да жить. Не примешь ответственность на себя – сам пропадешь, и молодые за тобой сгинут. Решайся, а мы тебе поможем: позовем кого необходимо, организуем что положено».

Вот так «шаманская» болезнь и все иные обстоятельства определили судьбу Милхая. Старейшины нашли проводника и провели обряд посвящения. Предки Родовые приняли Шамана. А после посвящения Милхай стал сам проводить обряды. Так он выздоравливал. Возвращал постепенно утраченное в жизни.

Шло время. Поначалу Милхай пытался совмещать дела. Однако жизнь не позволяла возвращаться к его прежнему укладу. На старую работу он пойти не смог – Силы не позволили. Тогда Шаман оставил прежнюю профессию и посвятил себя предназначению.

Как самый старший в своем роду, он выполнял обязанность советника и роль третейского судьи в различных спорах и конфликтах. Бывали у Милхая люди с дальних мест и самых глухих улусов. О нем узнали далеко за пределами родных краев. Потянулись родственники и земляки из крупных городов. Приезжие останавливались в деревне, кто где – кто у знакомых, кто у родных. Если никого уже не остава-

лось, тогда приглашали старейшин из Родовой деревни. Те вспоминали предков и всю историю на несколько поколений назад.

На обряд приходили соседи: мужчины и женщины старше тридцати. Варился зеленый чай с молоком, готовился обед: бухлер из баранины с лапшой (мясной суп, бульон). Из домашней сметаны, серой муки и манки готовился традиционный саламат. Гости привозили молоко, печенье, чай, конфеты. По случаю использовали тарасун (кисломолочный алкогольный напиток), а позже его заменили на водку. Обряды проводили под открытым небом, во дворе, с костром. По окончании обряда полагалось благодарить Шамана за его работу.

Городские родственники

Антон и Лена, молодые родственники, приехали в деревню из города.

– Ну, наконец-то мы и выбрались, дядя Милхай, – уважительно поприветствовал Антон. – Хорошо у вас в деревне, спокойно, никто никуда не спешит. У нас в городе все по-другому: бежим, торопимся, работа, семья. Дети – за ними тоже надо присмотреть. Сколько собираемся, все никак времени не находим.

– Понимаешь, Антон, в нашей жизни говорить – это одно, а делать – совсем другое. Ты в бурятской семье родился, родом-то из наших, шаманских мест. Приезжай в деревню, поклонись предкам, на святых местах по дороге покапай, сигаретку, спичку, монетку положи.

– Да, да, дядя Милхай, – смутился Антон.

– Обратись к Богу и к Духам предков обратись, ну и на обряде покапай.

– Дядя Милхай, я все хотел спросить: ты как за молодыми поспеваешь, всю работу делаешь по хозяйству и никогда не болеешь? Гладко у тебя все получается. Секрет, может, какой есть? – переключил Антон разговор.

– Да нет у меня секретов никаких. Здоровье-то – его смолоду нужно беречь, следить и поддерживать. Питаться вовремя: тело ведь наше часы свои имеет природные. Каждый

орган в свое время запускается. Поэтому нам нужно к организму привыкнуть, а не пытаться делать наоборот. Болезней от того и много, что кушаем мы не вовремя, не правильно, на ходу.

– Ну да. Утром я вообще ничего не ем. В обед – бутерброды да перекусы. А вот на ужин: с маслом, с салом да с «горилкой». Поздно, бывает, даже за полночь иногда, – подтвердил слова Милхая Антон.

– Вот видишь, откуда тут здоровью взяться?

– Да, знаю я грешок за собой – люблю поесть! Как себе в удовольствии отказать? – улыбнулся Антон. – Вот ты скажи мне, дядя Милхай, что правильно, по-твоему, кушать, продуктами какими питаться?

– А с пищей мудрить не надо. Чем с детства тебя мама кормила, то и есть твое здоровье. А так – овощи с огорода, которые по сезону поспевают. Зелень добавь обязательно. Зимой квашенную капусту, огурцы соленые, помидоры. Грибы замаринуй – они хорошо с картошкой идут и с блинами. Молоко, творог, сметана – все свое, деревенское! Начиная свой день с завтрака: плотно завтракай, чтобы до обеда хватило энергии. Кашу овсяную не забывай.

– Да кто ее забудет!

– На обед жиденького похлебай, чтобы организм заработал: суп с мясом и с лапшой хорошо пойдет! Яйца куриные можно сварить или пожарить. По праздникам саламат обязательно, – глянул Милхай на жену. – Ну, а на ужин — как

придется: картошка, пирожки с лучком и с капустой или, может, другая выпечка. Главное, чтобы не поздно было – часов в шесть, в семь. И наедаться не стоит, просто чтобы голод утолить.

– А чего пить для здоровья?

– Так чай, конечно, с молоком. Кому как, а мне зеленый больше нравится. Травы можно туда добавлять. Богородскую, к примеру, – от многих болезней помогает. Мята хорошо бодрит. Я по лету листья Иван-чая заготавливаю, а потом завариваю. Варенье к чаю для здоровья хорошо! Ты, кстати, баньку уважаешь? Париться не забывай!

– Банька – это да! И про питание мне понятно, – прервал Антон. – А выпить, если после работы, чуток? Святое ж дело, капель пятьдесят накапать, чтобы стресс снять. И «бабушку» вечером уважить, – он глянул на жену.

– Чего ты там сказал, ну-ка повтори? – Лена не поняла, о чем он говорит.

– Трудится она: стирает, прибирается, покушать мне готовит. За ребятишками ухаживает. Приду я усталый с работы, Лена харч нальет, «горилку» на стол поставит. Поговорим за жизнь, дела обсудим, хорошо так на душе делается, – тепло! Только вот замечать я стал: без чарки вечерней нервы не выдерживают, да по-супружески не всегда получается, – тяга пропадает.

– Так ты вот о чем, хоть бы старших постеснялся, при дяде Милхае такое говорить, – залилась краской Лена.

– Чего тут стесняться-то, жизненные вещи говорю. У дяди Милхая у самого дети, как мы с тобой, еще и внуки, – успокоил супругу Антон. – Побаиваюсь я, дядя Милхай, остановиться не смогу. Как выпью, так жизнь хороша, и все прекрасно. А если нет, так тошно делается. Монотонность достает: пашешь каждый день без отдыха, конца и края не видеть. Как жить-то дальше? – Антон присел на стул возле телевизора.

– Что до пьянки касается, – так не выход это, в бутылку залазить. От проблем ведь не убежишь. Тут другой подход нужен, постепенный. Для начала, нужно перестать других винить – свою судьбу взять в собственные руки. Дух укреплять, стержень свой природный. Двигаться побольше и на месте не сидеть. Да дело найти по душе.

– А как с болезнями быть?

– По поводу болезней я так скажу: когда ты расслабленный, спокойный, к тебе никакая хворь не прилипнет. Но, если напряжение внутреннее есть, переживание, тогда тело перегружается, устает быстро. Организм на стрессе работает, силы у него истощаются. Вот тут болячки и одолевают.

В дом вошел Степан, – сын Милхая.

– Батя, все готово: костер развели и люди, кого позвали, тоже подошли. Если что нужно, то мы с Колей в гараже.

– Хорошо, тогда идем! Милхай с Антоном и Леной взяли молоко, заваренный чай и водку, и пошли во двор. Там уже собрались старейшины. Пока оставшийся народ подхо-

дил, они общались промеж собой, разговаривали, обсуждали новости последние.

– Лето нонче жаркое! – судачили соседи.

– Ага, дождика бы надо!

– Давно пора, а то земля потрескалась, огород на корню сохнет.

– Чего вам дождик дался? – спросил один из них. – Поливайте огород, ничего и не засохнет.

– Огород-то я полью, а как трава покосная? Дождя не будет – трава сама не вырастет. Чего косить-то будем, зимой скотину, чем кормить?

– Леса еще сухие стоят. Пожар ни дай боже! Тайга загорит если, – не остановишь ее ничем, – тогда всем мало не покажется.

– Та не переживайте вы, – подхватила разговор старенькая бабушка. – Милхай пошаманит, будет вам дождь. Огороды ваши польет, и траву покосную, и лес.

– А ты почему все знаешь, старая?

– Да знаю я. Сколько живу, всегда после обряда дождь. Это такое благословение за молитвы наши, за почитание предков. Но только если правильно все сделать...

Тут появился Милхай с молодыми родственниками. Старики успокоились и перестали судачить. Уважали они Милхая и, несмотря на то, что он был моложе, совет с ним держали и сами у него советовались.

Антон и Лена поздоровались со всеми и прошли вслед

за Шаманом. Во дворе, в самом центре горел костер, а позади стояли стулья и скамейки.

– На голову есть что надеть? – бросил вопросительно Милхай.

Лена достала платок, заранее приготовленный, и повязала на голову.

– Нету, забыл, – отрицательно мотнул Антон.

Шаман поднялся на веранду и через мгновение вернулся, подавая ему кепку.

– Ты голову не забывай в следующий раз, – заметил Милхай рассеянному родственнику. – Как к убору головному относишься, так и люди к тебе относятся. Если шапка твоя в ногах валяется, так и сам ты валяться будешь, и люди тебя не будут уважать.

– Зачем мне это надо? – попытался возражать Антон.

– А ты слушай! – поправила его старая бурятка. – По нашей земле, поди, ходишь. Раз приехал сюда, так делай то, что тебе говорят. Антон сразу замолчал, надвинул кепку на голову и пошел за супругой.

– Вещи детей! – подсказал Шаман. – В руки их возьми. Лена вытащила две летние панамки: одну сына, а вторую дочери.

– Катя, сбегай в дом, посуду принеси, – позвала внучку Янжима.

– Баба, а что нужно?

– Там на столе на кухне, я все приготовила. Только не то-

ропись, два-три раза лучше сходи, чтобы не разбить, – уточнила бабушка.

– Хорошо, сейчас. – Катя поднялась на крыльцо и вошла в дом.

– Ногами проводите над огнем, – Милхай показал как нужно сделать, и прошел вперед. Антон и Лена повторили за Шаманом.

– Здесь садитесь, – указал на место Милхай. Антон и Лена сели к костру спиной, лицом к выходу.

Милхай встал перед гостями в сторону ворот, налил водку в рюмку и начал молиться. Он обращался с благодарностью к Создателю, к пантеону Богов, к Духу огня, к первым предкам бурятского народа, к родовым: ко всем дедушкам и бабушкам.

Антон, хотя и был бурятом по крови, но к своему стыду языка не знал. Лишь некоторые фразы когда-то сохранились в его памяти. Лена же присутствовала на обрядах и запомнила последовательность, она общалась со старшими женщинами Рода. Именно они передавали мелкие нюансы и особенности: что нужно делать, как готовить, и по какому поводу.

Все родственные связи и истории хранились в самом надежном месте: в головах у местных бабушек и дедушек.

Милхай произносил молитву, упоминая Родовое место, имена Антона, Лены и их детей. Закончив, он выплескивал

водку в сторону ворот. После все повторялось заново.

Катя вынесла посуду и продукты, расставила их на столе, а сама вернулась в дом.

Степан с мальчишками.

Урок механики

Степан ковырялся в гараже со старым отцовским мотоциклом. Хороший повод показать его для Коли:

«Мужик в доме растет, – обязан в технике разбираться».

Зеленый Милхаевский «Урал», с коляской, стоял посередине помещения, бензобак у него был откручен и снят.

Степан перелил остатки бензина в другую емкость, а бак промыл водой.

– Папа, а зачем ты туда воды налил? – спросил Коля.

– Сейчас мы его будем чистить. А водой промыл – от бензина, чтобы он не бабахнул. Знаешь, какие пары опасные: если рванет, то никуда не спрячешься – и окна вылетят, и двери с петель по срывает. Так что вот... Пропарить бы его сначала, а после почистить.

– А что потом?

– А потом карбюратор будем разбирать.

– Папа, что такое карбюратор, зачем он нужен? – смутился Коля. Он слез с табурета и подошел к отцу.

– Карбюратор – это деталь такая, служит она, чтобы бензин смешивать с воздухом и рабочим газом. Потом вся эта смесь подается в цилиндры, – указывал Степан. – В цилиндрах смесь загорается и толкает поршень, а он уже вращает коленвал и передает усилие на трансмиссию... – Степан

увлекся объяснениями, позабыв, что сын его еще маленький и многого не понимает.

– Чего-то я не понял, папа, – в подтверждение отозвался Коля. – Почему «калёный вал»? – он шмыгнул носом и утерся грязной рукой.

– «Коленвал» правильно надо говорить, – поправил отец. – Похож он сильно на колено. Так коленвал этот передает вращение в коробку передач, а оттуда цепью на колеса, и мотоцикл едет, – опять увлекся объяснением Степан.

– Папа, я не понял ничего, – озадаченный Коля почесал лоб своей маленькой ладошкой. На его лице – под носом и на лбу красовались темные следы отработанного масла.

– Ладно, видишь вот эту штуку? – указал отец на зеленую емкость. – Это бензобак, отсюда топливо в карбюратор попадает, а дальше в двигатель. – Вот они. Бензин сгорает в двигателе, и дальше... – задумался Степан, а потом махнул рукой: – Ну, в общем, дальше колеса крутятся и мотоцикл едет. – Он не нашел ничего лучшего, как сократить объяснения, чтобы не запутать сына. – Теперь понятно? – с сомнением посмотрел.

– Понятно! – Коля просиял. Он был смышленным, и любил все переделать на свой лад.

– Тогда давай, повтори, что я тебе сказал! – напрягся отец, объясняя сыну.

– Ну, ты сказал... и я понял... – растерялся Коля.

– Чего?

– Мы в эту дырку бензина наливаем, а мотоцикл его кушает. Силы у него появляются, и он от этого едет!

– Да нет же..., на самом деле.... Ну, в общем.... Да, примерно, так оно и есть, – махнул рукой Степан. – «Пусть лучше так всё понимает, чем совсем никак».

Коля залез на табурет. На коленях его штанов были аккуратно пришиты заплатки. Любил он все исследовать, залазить везде, проверять. Каждый вечер он приходил домой чумазый и растрепанный. Одни глаза да зубы белые, да детская улыбка на лице.

Оюна понимала, – ругаться не имеет смысла. Хотя, порой, нервы у нее не выдерживали, и Коле попадало по первое число:

– Ты чего там делал? Весь измазался, всю одежду замарал... – строгим голосом спрашивала мама. – Хоть бы немножко меня пожалел, каждый день такие ворохи стираю.

Одежда у Коли не однажды зашивалась. В основном рывались локти, коленки и рукава. А пуговицы, – так вообще служили расходным материалом: ежедневно в детских играх и «уличных боях» сын отрывал по одной, две, а иногда по три. Как-то дошло дело до того, что все пуговицы он оторвал разом, некоторые даже «с корнем». На их месте зияли разлохмаченные дырки.

Куртка Колина была не новая, не единожды перешитая, еще и перелицованная, из плотной ткани, выгоревшая на солнце. От времени она разъехалась по швам и изрядно

растрепалась. Давно уже просилась на покой, – в утиль. Когда-то, в своей далекой молодости еще сам дед ее носил. Потом на Степана перешли. Ну а после, по наследству, к Коле перешла.

Теперь же, когда все пуговицы закончились, а поездок никуда не намечалось, мама сделала реставрацию раритетной семейной вещи. На место пуговиц она пришила светлые веревочки. Отпорол цветную бахрому от старых портьерных штор и обрамила ею рукава у куртки и гачены у брюк. Теперь у Коли появилась обнова – на модных завязках. В такой можно и до осени доходить.

«Все равно сын подрастет к школе, и надо будет новые вещи покупать».

В обновленной куртке Коля стал походить на главного героя из фильма про индейцев. Не хватало только перьев в голову, для полноты картины. Деревенские ребята окружили Колю и начали рассматривать. Кто-то уважительно назвал его «индейцем». Вот так и проходило счастливое детство: в родительской любви и в дедовых обносках... Новых вещей у Коли не было почти.

«Зачем тратиться, если старое можно перешить!» – говорил Милхай, а Оюна его поддерживала. – «Пацан растет у нас – не девочка. В моих вещах доходит да в папкиных».

Оюна же так говорила про своего маленького сына:

«Дед носил – не сносил, отец носил – не сносил, а на мне все как на огне горит!» – Уж больно шустрый был малый.

Степан с Колей так увлеклись разговором и не заметили, как из-под полога от входной двери высунулась чернявая голова. – Это был Колин друг – Дима.

– Здравсьте, дядя Степа! – громко поздоровался он.

Степан аж вздрогнул от неожиданности, а Коля чуть не упал с табурета.

– Ну ты даешь, Димон! Предупреждай хоть, когда идешь, а то так зайкой можно – остаться. – Коля схватился за сердце, да не с той стороны, – с правой. – Ты как шпион подкрадываешься!

– Привет, Дима, как дела? – поздоровался Степан.

– Нормально, дядя Степа. Хотел, вот, Колю на улицу позвать.

– Ну, проходи, раз уже пришел. А мы тут мотоцикл разобрали. Садись вон на кресло, – продолжил Степан. Он оставил бензобак в сторону. – Завтра с дядей Андреем свозим в кочегарку, пропарим, а потом уже почистим.

– Дядя Степа, а зачем бензобак чистить, он же у вас не грязный. «Ур-ал», – с натугой прочитал Дима стертую от времени надпись.

– Понимаешь, бензобак работает, когда он чистый изнутри. – Степан смахнул металлическую стружку с верстака и продолжил рассказывать. – Если в нем грязь появилась, она может в карбюратор попасть и жиклеры забить.

– А что тогда будет? – вежливо спросил Дима, не понимая,

о чем идет разговор.

– Тогда бензин в мотор не потечет, мотоцикл заглохнет и не поедет.

– Ка... карбюратор, правильно? Это что такое? – с удивлением спросил Дима.

– Вон та железка, видишь, на моторе стоит, – показал Коля со знанием дела. – Двигатель у мотоцикла бензин кушает с маслом и нас везет.

– Масло? Да ты шутишь, что ли? Это из той бутылки? – Дима показал на стеклянную посудину, заполненную золотистой жидкостью. – Мы его в сковородку льем, когда картошку жарим, оно еще семечками пахнет.

– Димон, ты чё? Сам-то подумай! Зачем тебе голова на плечах, шапку на ней носить, что ли? Масло в картошку – подсолнечное, – оно из подсолнуха делается. А в мотор минеральное масло заливается.

– Так если минеральное, значит, оно из минералов? – Дима попытался включить свою мальчишескую логику. – Минералы, они же твердые, а масло жидкое. – Он учил природоведение и точно об этом знал.

– Из каких таких твердых минералов, – садовая твоя голова? Ты сперва подумай, а потом уже говори! – Коля начал входить в раж.

– Из нефти оно производится, на большом заводе, – вмешался в разговор Степан. – Нефть из скважин добывают, из-под земли, потом по трубопроводу перекачивают на завод.

И уже на заводе из нее получают разные продукты. А бутылка действительно из-под масла подсолнечного. Вон даже этикетка сохранилась.

– Дядя Степа, а скажите, какие продукты получаются из нефти? – начал ерзать Дима на стареньком кресле.

– Какие?.. – Ну, вот бензин, например, разных сортов. Дизельное топливо в трактор, мазут нам на котельную, чтобы школу обогревать с детсадом, битум вязкий, гудроном еще называется, его в асфальт добавляют, чтоб на дороги укладывать.

– А мы гудрон жевали с Колей! – похвастался Дима. – Он как сера, только горький.

– Да? Правда, что ли?

– Ага, – переглянулись пацаны, не зная, какая реакция последует.

– Ладно, не буду вас ругать. Было дело, я и сам его жевал, когда маленький был, – улыбнулся Степан, вспоминая свое детство. – Только не надо так больше делать.

– Дядя Степа, а что еще из нефти делают?

– Еще из нефти химию делают промышленную и бытовую: полимеры, пластмассы, препараты разные медицинские, духи, парфюмерию.

– И даже духи?! – удивился Дима.

– Это как можно? А зачем тогда шаманы нужны, если духи из нефти получаются? – он слышал от родителей, что Колин дед с Духами общается.

– Да нет же, – ответил ему Степан. За разговорами с ребятами он увлекся и позабыл про мотоцикл. – Из нефти делают духи, которые твоя мама покупает в магазине, чтобы на одежду брызгать и хорошо пахнуть. Духи, одеколоны, дезодоранты и другую парфюмерию.

– Интересно, это как? Из какой-то нефти и так всего много! Я по телевизору видел, как ее добывают. Она как черное жидкое масло, воняет еще, наверное. А духи с одеколоном – чистые и пахнут хорошо! – удивился Дима. – Вы, дядя Степа, так рассказываете, как будто сами там работали.

– Мой папа и не только про это знает, – гордо заявил Коля.

– У нас везде родственники есть. Один из них приезжает на обряд, из другого города. Он на комбинате работает, где нефть перерабатывают. От него-то я и узнал все, – Степану нравилось рассказывать мальчишкам. – Все на сегодня. Поздно уже, – завтра доделаем, – Степан поднялся, обтер руки ветошью, собрал инструмент и вышел во двор. Коля с Димой последовали за ним.

Окончание обряда

Обряд заканчивался. Милхай молился, упоминал далеких предков, имена Антона, Лены и их детей. Он брызгал чаем, молоком и водкой. Позади него сидели старики, и те, кто был моложе. Все они поддерживали Шамана. Рюмка переходила из рук в руки, по определенному порядку. Милхай наполнял ее водкой, негромко произносил слова и передавал родным. Они капали и пригубливали, потом отдавали родственникам. Так происходил обмен энергией и приобщение к Духам. Люди негромко разговаривали.

Степан с мальчишками помылись в умывальнике и прошли в дом. В доме хлопотала Янжима. Она закончила лепить очередную порцию пирожков, выставила их на противень и отправила в горячую духовку.

– Мам, наложи чего-нибудь поесть, – обратился Степан.

– Сейчас, подожди, – вот со стола сотру, – Янжима очистила клеенку от остатков муки.

– Давайте, пацаны, перекусите да дуйте на улицу, пока еще совсем не стемнело. – Степан разлил суп по тарелкам, а в отдельную, большую положил мясо. – Дима, а ты чего скромничаешь? – Давай, присоединяйся тоже.

– Спасибо, дядя Степа, – я не хочу.

– Да ты бульончику-то похлебай, пару ложек хотя бы, за компанию, – настоял Колин папа. – И пирожков возьми,

вон бабушка свежих напекла.

Дима придвинул тарелку, взял ложку и потянулся за выпечкой. Коля в это время уплетал бухлер: в одной руке кость с мясом, которую он грыз, а в другой – надкушенный пирог с капустой. Где-то в промежутках между пирожком и костью появлялась ложка. Она зачерпывала суп и отправлялась в широко раскрытый рот. Коля торопился, хотел поскорей успеть на улицу, чтобы поиграть с друзьями. Кусками хватал, почти не прожевывая. Милхай всегда ругался, когда такое видел. Но деда не было рядом и потому все можно!

– Фифо, фофофей феу фи фа фулифу фойфе, – пробубнил Коля с набитыми щеками.

– Ой ты горе мое луковое! – улыбнулась Янжима. – Ты прожуй сначала хорошо, а потом уже скажи.

Коля с натугой прожевал, еле поворачивая языком, взял кружку с молоком и запил. Дима перестал кушать и уставился на друга. Тот проглотил остатки пищи и выдал наконец-то:

– Димон, скорее ешь, и на улицу пойдем!

– А в чем ты на улицу собрался, куртка-то у тебя грязная, – Янжима сняла одежду с вешалки и положила в грязное белье. – На вот тебе мастерку Катину, да аккуратненько носи, не порви, не замарай, – протянула внуку. – А твою куртку я постираю, – к обеду завтра высохнет.

Тут в дом вошла Катя, Колина старшая сестра.

– Баба, собирайтесь, там вас с папой уже ждут. Деда чаю

попросил согреть. – Она налила воды в чайник и поставила на плитку.

– Хорошо, сейчас идем, папа только покушает, – Янжима накинула на плечи легкую шаль, повязала платок на голову и вместе с внучкой вышла во двор.

– Катя, а ты куда? Нечего тебе тут делать! – прикрикнул на неё Милхай.

Внучка всё поняла и вернулась в дом. Степан закончил с супом, хлебнул чаю с молоком и зажевал пирогом с капустой.

– Пап, подожди нас, мы тоже идем, – Коля допил молоко и начал натягивать Катину мастерку. Он торопился и запутался в молнии: со всей силы дернул за замок и тот заклинил. – Вот ты ёхорный мухор, – выдал рассерженный мальчуган.

– Чего ты там сказал? – отец строго посмотрел на сына.

– Да замок такой, сякой, не ел, что ли, каши сегодня? – повторил любимую поговорку деда. – Я его закрываю, а он не хочет. – Коля попытался справиться.

– Давай я помогу, – Катя потянула брата за рукав. – Да стой же ты на месте, – сделала замечание, по праву старшей.

Коля был неумный, – энергия так и била через край. Не мог он находиться долго на одном месте. Когда Катя пыталась вставить «собачку», Коля переминался с ноги на ногу, весь устремленный на улицу.

– Ну-ка встань прямо! – не выдержав, громко скомандо-

вала Катя. – Замри на месте! – Она строго посмотрела брату прямо в глаза.

«Маленький озорник» оцепенел от окрика. Катя хорошо приметилась и застегнула непослушную молнию, при этом отпустила брата. Коля воспользовался моментом, тут же вырвался и побежал к двери.

– Ты Диму-то подожди, видишь, он чай еще не допил! В гости ведь пришел к тебе, – попытался остановить сына Степан.

– А че его ждать, маленький что ли? Димон, я на улице, а ты давай за мной. – Коля напялил ботинки и выскочил за дверь. Дима, не торопясь, вышел из-за стола, оделся и осторожно выглянул во двор.

Несмотря на одинаковый рост, сложением Коля был, как дед: такой же худощавый, жилистый и легкий на подъем. Колин друг – его прямая противоположность: круглое белое лицо, пухлые руки и небольшой животик, который мешал ему быстро бегать. Свою нерасторопность он компенсировал умом. Дима не любил попусту суетиться. У него сразу появлялась одышка, щеки его раздувались и краснели. Но когда наступала зима, Дима преображался. Он очень хорошо стоял на коньках и мог дать фору многим деревенским пацанам. Да и в хоккей у них, с Колей, здорово получалось. Они дружили с самого раннего детства. Не обходилось, правда, и без обид. Однако проходило время, и обиды забывались. Ребята по-прежнему оставались вместе. Коля подшучивал над сво-

им другом и над его недостатками. Но большой и добродушный Дима почти не реагировал на колкости. Так Колина подвижность и любопытство дополнялись неторопливой рассудительностью друга.

На улице уже смеркалось. Коровы стали возвращаться с луга с деревенским пастухом. Своим мычанием и звоном колокольчиков они извещали домашних.

Милхай наполнил рюмку и передал супруге. Янжима капнула водкой на огонь. Тот ярко вспыхнул в ответ, поглощая очередную порцию прозрачной жидкости. Он расширился ярким свечением и обдал гостей жаром. Янжима попросила здоровья для своего мужа, для детей и внуков. Пожелала удачи Антону и Лене, благополучия и здоровья их родным. Немного пригубила сама, и вернула мужу. Шаман рюмку наполнил, пригубил и передал сыну.

Степан забрал свой пай, капнул, попросил предков за свою семью: за жену, за детей. Так же пригубил и передал отцу.

Антон и Лена оставались сидеть на своих местах: спиной к костру, напротив самых ворот. Шаман наполнял рюмку, произносил слова молитвы, и пригубливал, потом передавал ее родным: сначала старейшинам, а после другим, тем, кто помоложе.

Женщины получали «пай» и «капали» безымянным пальцем на грудь, – столько раз, сколько детей и внуков. Они про-

силы ушедших бабушек о защите, о здоровье и о продлении Рода. Орошали содержимым землю и костер, а после выпивали. Кто не пил тот просто водку пригубливал.

Мужчины обращались к предкам. Просили их открыть дороги и не препятствовать в делах, удачи просили на работе и в обычной жизни. Каждый «приносил» сюда молитву, свое благодарение и просьбу.

Стихии разрастались, энергии сплетались и окутывали двор, поднимались выше, вокруг мерцающего пламени. Огонь питался деревом и трещал смоляными сучками. Яркое пламя пожирало жидкость – бесцветную прозрачную энергию. Душа огня подхватывала просьбы и молитвы, благодарения людей и возносила к Небу. Управлял всем этим человек, стоявший на границе мира. Шаман один руководил умами. Он был связующим звеном между далеким прошлым и нашим настоящим, между людьми и Духами.

К собравшимся пришли их предки. Духи Милхаевского Рода, Рода Антона с Леной. Бабушки и дедушки, ушедшие давно, все те, кого упоминал Милхай. Большие люди приходили и малые, простые и знатные. Правители и воины, торговцы, пастухи-кочевники, оседлые ремесленники и ушедшие шаманы. Энергии лучами исходила от их эфирных тел. Они общались, слушали молитвы, радовались поклонению. Получали угощение, благодарности и просьбы.

Так жил народ, свою культуру сохранял и поклонялся

предкам. Так жили поколения людей на протяжении веков.

Никто не ощущал потустороннего присутствия. Хотя, в душе у каждого, волнение возникало. Как дуновение ветра, прикосновение света и теней: дым от костра отплясывал замысловатый танец. На крыше дома, и на заборе появились птицы. Они разглядывали двор, – невольно сами становились участниками древнего обряда.

Шаман молитву повторял. Как с водкой, делал тоже с молоком и чаем. Огонь горел, показывая свой характер, шипел и трескал, поднимался вверх. Он расцветал небесно-голубым свечением. Передавал молитвы и послания людей.

Огонь сжигал всю чернь и душу очищал, сливался с ней в единую структуру. Стихия возвращала человеку, его забытую божественную суть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.